

Антон Леонтьев

Путешествие в сны

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572857
Леонтьев А. В. Путешествие в сны: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60459-3*

Аннотация

Она проснулась в больничной палате, не помня абсолютно ничего, даже собственного имени. Доктор рассказал, что ее зовут Ирина, у нее есть муж и дочь, но после аварии она страдает амнезией, лечение которой с успехом проводится в клинике «Мнемосина». У Ирины не было никаких оснований сомневаться в его словах, но тогда почему встреча с семьей и возвращение домой оставили у нее ощущение блестяще поставленного спектакля? А потом медсестра клиники рассказала: раньше она носила совсем другое имя и события, якобы восстановленные в памяти в процессе лечения не имеют к ней никакого отношения... Но кому и зачем понадобилось внушать ей поддельные воспоминания? Она пойдет на все, но узнает это, какой бы страшной ни оказалась правда...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Антон Леонтьев

Путешествие в сны

Воспоминания – это единственный рай, из которого нас не могут изгнать.

Жан-Поль Рихтер

...Его сильные руки обхватили ее шею. Женщина попробовала сопротивляться, но мужчина был намного сильнее ее. Повалив женщину на диван и нависнув над ней, он стал душить ее. Перед глазами женщины расплылась кровавая пелена, скрывавшая лицо того, кто пытался убить ее. Хрипя и стараясь освободиться, она бросила взгляд на его руки. Потом на вздымающуюся грудь. Наконец, на блестящий от пота живот. А затем он усилил хватку, и свет окончательно померк перед ее глазами. Она знала, что сейчас умрет. Что он сейчас убьет ее. Легкие женщины были готовы лопнуть, она из последних сил попыталась приподняться, но это у нее не вышло. А затем небытие поглотило ее...

Часть первая

Ирина

Она открыла глаза и уставилась в потолок. Почему-то на мгновение ей показалось, что она знает, где находится, однако эта мысль исчезла так же быстро, как и возникла. Странно, но вообще не было никаких мыслей – создавалось впечатление, что голова была пустая, словно кто-то при помощи волшебного рубильника просто отключил все ее мысли.

Она перевела взгляд с потолка на стену – белую, стерильную. Чуть повернув голову, она заметила окно – достаточно широкое, прикрытое шторой. И на что же это похоже?

Ответ пришел сам собой, причем все было так очевидно: больница, конечно же, больница!

Только вот вопрос в том, как она здесь оказалась. Ведь если она находится в больнице, то это значит... Она напряглась, пытаясь сообразить, и наконец ей это удалось. Если она находится в больнице, следовательно, с ней что-то случилось. Что-то нехорошее.

Она снова обвела взглядом комнату, в которой находилась. Как же она называется? Странно, но ей понадобилось несколько минут, чтобы сообразить. Палата, больничная палата – вот как это называется.

Только как она здесь оказалась? И что предшествовало всему этому? И, собственно, как долго она уже пребывает здесь? Ни на один из этих вопросов у нее не было ответа.

Ей внезапно сделалось страшно, очень страшно. У нее даже вспотели руки, а в ушах зазвенело. И она поняла: ей надо бежать отсюда, бежать как можно быстрее! Только куда? Но и на этот вопрос не было ответа. Она ничего не знала – как будто... Как будто все ее воспоминания стерли большим ластиком.

Она поднялась с кровати и неуклюже встала на ноги. Палата была большая и просторная, в углу располагался стол, на котором возвышалась ваза, а в ней – букет белых с красными прожилками гладиолусов.

Эти цветы... Они что-то напомнили ей, в голове мелькнуло воспоминание, улетучившееся так же быстро, как и возникшее. Как будто... Как будто мысли ей не подчинялись!

Засунув ноги в мягкие тапочки, она, шаркая, приблизилась к столу. Дотронулась до вазы, а затем и до гладиолусов. Стоило сделать это, потому что ей вдруг подумалось, что цветы-то ненастоящие. Нет, оказалось, что она не права – это были живые растения.

Но от осознания этого лучше не стало. Сердце тревожно билось, а во рту пересохло. Она приблизилась к окну и отдернула штору. Перед ней расстилался парк. Трава была зеленой, а массивные серебристые ели, стоявшие перед окном, не позволяли увидеть то, что находилось вдали.

Она попыталась открыть окно, однако это не получилось – они были заблокированы. Она несколько раз дернула металлическую ручку, но потом бросила это занятие. И тут ее внимание привлекла тонкая-претонкая решетка, вернее даже, стальная сетка, почти невидимая глазу, которая находилась за окном.

Даже если бы она распахнула окно, то выбраться наружу все равно бы не смогла – помешала бы сетка. Прямо не больница, а тюрьма! Тюрьма...

Внезапно у нее мелькнуло странное воспоминание – даже не воспоминание, а обрывок одного. Тюрьма... Нет, не тюрьма, а полицейский фургон. И она внутри. Но дверь открыта... Что это значило, она сказать не могла... Странно, но она ничего не могла вспомнить, даже...

Она развернулась к двери, поняв вдруг, что если ей хочется выйти, то надо воспользоваться вовсе не окном. Она подошла к двери, дернула ручку, но дверь была закрыта. Как она ни старалась, как ни крутила ручку, покинуть палату было невозможно.

Точно тюрьма! Она находится здесь в заточении! Но почему? Разве она совершила какое-то преступление? И почему она одна?

Тут ее взгляд снова обратился к потолку, и в одном из углов она разглядела странный предмет. Понадобилось некоторое время, чтобы понять, что же она видит. Это была миниатюрная камера. Она похолодела – нет, она вовсе не была одна, те, кто заточил ее сюда, наблюдали за ней!

Словно замороженная, она смотрела в камеру, а потом быстро подошла к кровати, улеглась на нее и накрылась с головой одеялом. Отчего-то она была уверена, что допустила большую ошибку. Потому что теперь они знают, что она пришла в себя.

Они... Только кто это – загадочные они, ей не было известно. Ей вообще ничего не было известно. Она не знала, где находится. Не знала, почему. Не могла сказать, как долго это продолжается.

Самое страшное, и это стало ей вдруг ясно со всей кошмарной очевидностью, что она не знала, кто она такая. Она – это была она, и точка! Но ведь у нее наверняка имелись имя и фамилия. Но если и имелись, то она все это забыла.

На глаза навернулись слезы, и в этот момент раздался скрежещущий звук. Она поняла, что это значит: кто-то открыл дверь! Она приказала себе перестать плакать, и хотя слезы все еще продолжали катиться по щекам, затаилась на кровати.

Но было поздно – они наверняка увидели, как она бродила по палате, пыталась открыть окно и дверь. И теперь ей не стоило изображать из себя спящую – они все равно не поверят.

Они... Почему она так уверена, что они не хотят ей добра? Она ведь ничегошеньки не помнила! Вот это и было хуже всего. А еще эта решетка на окне... И запертая дверь... И белые с красными прожилками гладиолусы на столе...

Это были ее любимые цветы... Только почему были – это и есть ее любимые цветы! Именно гладиолусы, и именно этой расцветки. Или все же нет? Она не могла сказать со всей определенностью, потому что даже не вспомнила это – просто у нее возникло странное чувство...

Странное чувство, что она любила эти цветы. Но чувство возникло и пропало, а сомнения остались. Однако она вдруг вспомнила, что находится в палате не одна. До нее донеслись приглушенные шаги, затем, однако, стихшие.

Она была уверена, что тот, кто вошел, остановился около кровати и наблюдал за ней. Поэтому она приказала себе дышать как можно ровнее и естественнее. Они не должны заметить, что она впала в панику. Потому что...

Она не знала, ПОЧЕМУ именно ей требовалось вести себя именно так, – просто ЗНАЛА. И этого было пока вполне достаточно. Рыдания застряли у нее в горле, и она, не шевелясь, лежала спиной к тому, кто стоял около кровати и наблюдал за ней.

Но вечно так продолжаться не сможет! Рано или поздно ей придется сбросить одеяло и взглянуть в глаза тем, кто держит ее здесь.

Она почувствовала, как по одеялу скользит чья-то рука, и, не удержавшись, вздрогнула. А потом резко повернулась – и увидела перед собой миловидную женщину средних лет, одетую как сиделка.

Посетительница была симпатичная, с короткими седыми волосами и умными серыми глазами, скрывавшимися за стеклами очков. Она тотчас отдернула руку и, мягко улыбаясь, сладким тоном произнесла:

– Ах, как хорошо, что вы уже проснулись! Я не хотела вам мешать, только вот одеяло сползло, и я решила его поправить!

Женщина в самом деле поправила одеяло и, наклонив голову, отступила от кровати. Разве можно было бояться такую спокойную и приятную особу? Она же являлась воплощением доброго, вездесущего ангела!

Но в то же время в ней было что-то фальшивое. Так же, как и в гладиолусах на столе. Вроде бы все казалось донельзя настоящим, но именно это и наводило на мысль о том, что перед ней – подделка, хотя и очень искусная.

Только о чем она? И гладиолусы были настоящие – в этом она убедилась, прикоснувшись к ним. И стоявшая перед ней особа, вне всяких сомнений, – тоже. Так же как и палата, и решетка на окне, и высоченные ели за окном.

– Вы ведь наверняка проголодались? – спросила посетительница слащаво, от чего сделалось тошно. – Ну конечно же, проголодались! Я немедленно принесу вам что-нибудь перекусить!

От этих слов в желудке у нее заурчало, и только в этот момент пленница больницы поняла, что голодна. Сколько же она не ела? На этот вопрос, как и на все остальные, ответа не было. Она знала, что ничего не знала, – кому принадлежала данная крылатая фраза? Но и этого она сказать не могла...

– Где я? – произнесла она и поразилась собственному голосу. Он звучал глухо, тихо. И вообще – был ли это ее голос? И кем являлась она?

Но адресовать этот вопрос сиделке она не могла. Потому что та наверняка бы соврала. Откуда она это знала – ей было неизвестно. Она просто чувствовала это...

Сиделка же, продолжая мягко улыбаться, ответила:

– Вы находитесь в клинике, в той самой, куда вас доставили после катастрофы...

Она смутилась и отвела глаза, видимо, понимая, что сболтнула что-то лишнее. Безымянная же пациентка напряглась и спросила:

– Катастрофа? Какая катастрофа?

Сиделка засуетилась и ответила:

– Конечно, вам нужно подкрепить силы! Потому что вы ведь давно уже ничего не ели...

Облизнув пересохшие губы, пациентка спросила:

– Сколько? Я хочу знать, как долго я здесь нахожусь!

Сиделка, щебеча какие-то милые глупости, попятилась к двери. Пациентка отбросила одеяло и опустила ноги на пол.

– Вы так и не ответили мне! – заявила она, но сиделка, проворно открыв дверь, выскочила в коридор. Сделала она это так быстро, что безымянная пациентка не смогла угнаться за ней. А когда она оказалась около двери и попыталась ее открыть, то ничего, разумеется, уже не вышло. Дверь была заперта.

Тогда она решила ждать. Ведь женщина обещала принести еду, значит, вернется через несколько минут. И тогда можно будет отпихнуть ее и выбежать в коридор.

Этот коридор она видела какую-то долю секунды, когда сиделка покидала палату. Белые стены, картина в стиле абстракционизма на стене. Вот, собственно, и все.

Но время шло, и никто не появлялся. Почувствовав внезапную усталость, она опустилась на стул, а потом поняла: ну конечно, тем, кто за ней наблюдал при помощи камеры, стало понятно, что она затеяла. И поэтому они не разрешили сиделке возвращаться.

Тогда она пододвинула стол в угол, поставила на него стул и, взгромоздившись на оный, оказалась рядом с камерой. Она попыталась повернуть ее в сторону, но ничего не вышло. Не получилось и выдрать ее из стены. Тогда она стала бить по ней кулаком, но камере это не причинило ни малейшего вреда.

Провода! Ну конечно же! Она схватила один из них и с силой потянула на себя. Он все никак не поддавался, однако пациентка решила не сдаваться. Стул вдруг зашатался, она

поняла, что может полететь вниз и насмерть расшибиться. Ей требовался нож или ножницы! Но наверняка в палате ничего такого не было. А вдруг?

Она спрыгнула со стула на стол, повернулась – и заметила человека в белом халате, стоявшего рядом со столом и наблюдавшего за ее действиями. Она вздрогнула и растерялась, потому что не слышала, как он вошел в палату.

Судя по всему, это был врач – высокий, с породистым лицом и стильной бородкой. На вид ему было чуть за сорок, голливудская седина совсем не старила визитера. Под белоснежным халатом, который сидел на нем безупречно, были видны светло-розовая рубашка и галстук замысловатых расцветки и узора, наверняка ужасно дорогой, а очки в тонкой оправе посверкивали, как у крупного биржевого маклера.

– А ведь это чрезвычайно опасное занятие! – произнес он иронически и покачал головой, не предпринимая, впрочем, попыток помешать ее действиям. – Представляете, что будет, если вы вдруг упадете вместе со стулом на пол! Конструкция-то весьма ненадежная!

Она молчала, так как не нашлась что ответить. А ведь он был прав. И, кроме того, она со стороны выглядела наверняка смешно, скорее всего, даже странно. Прямо-таки сумасшедшая...

Неужели... Неужели она находится в психиатрической клинике? Тогда все становилось понятно! Она – одна из пациенток этого импозантного доктора. Причем пациентка не простая, а страдающая серьезной болезнью...

Впрочем, ведь если человек осознает, что он психически больной, значит, ситуация не такая уж и запущенная. Эта мысль возникла у нее в голове и тотчас снова унеслась прочь. Значит, она вовсе не больна? Или больна, но не так сильно?

– Как я понимаю, вам не нравится то, что за вами ведется наблюдение? – произнес врач. – Скажу честно, мне бы тоже не понравилось. Но, поверьте, это исключительно в ваших же интересах. Судя по скептическому выражению вашего лица, вы с этим не согласны. На вашем бы месте я думал бы так же. Кстати, камера сейчас уже выключена, однако вы, наверное, мне не верите. Поэтому вам нужно лично убедиться в этом...

Дверь палаты приоткрылась, появилась знакомая ей сиделка. С опаской взглянув на безмянную пациентку, стоявшую на столе, она протянула доктору ножницы. Тот, поблагодарив свою помощницу, протянул их больной.

– Прошу вас! – сказал он галантно. – Можете перерезать провода. Но я бы не стал этого делать, потому что никогда не знаешь, шандарахнет тебя током или нет. Но так как камера отключена и от сети, то ничего произойти не должно.

Она машинально взяла ножницы и взглянула на камеру. И вдруг поняла, что вела себя глупо. Если бы она была в психиатрической клинике, никто бы не дал ей массивные стальные ножницы.

А доктор, судя по всему, не испытывал ни малейшего дискомфорта и ничего не опасался. Например, того, что она нападет на него с ножницами. Но ведь она и не собиралась делать этого! В конце концов, она не умалишенная! И почему она должна кидаться на этого внушающего ей симпатию человека?

– Но, повторюсь, если вы уже решили перерезать провода, то делайте это побыстрее. Конечно, вы можете подумать, что я намеренно даю вам неверные советы, дабы вы не смогли повредить камеру, но это не так. Забочусь я вовсе не об этом ненужном приборе, а исключительно о вас!

Он усмехнулся, и ей вдруг стало не по себе. И почему она решила, что может доверять этому лощеному типу? Только из-за того, что он вел себя так спокойно и уверенно? Но на чем зиждились это спокойствие и уверенность? На том, что она в итоге сделает все так, как ему нужно?

– Или вы хотите, чтобы я вам помог? – произнес вдруг доктор и подошел к столу. – Одна голова хорошо, а две лучше. Надеюсь, что стол выдержит нас обоих!

С этими словами он с легкостью взобрался на стол и приблизился к безымянной пациентке.

– Перерезать провода могу и я. Вы только скажите мне, какие именно. И отсюда вам будет отлично видно, что я их перерезал, а не смухлевал. Только вот на стул залезать не очень-то хочется, но без него я до камеры, боюсь, не достану...

Говоря это, он все же решился взгромоздиться на стул, который под ним жалобно закрипел. Видя, как он балансирует на стуле, безымянная пациентка вдруг произнесла:

– Нет, не надо!

– Что, другой провод резать? – произнес, не оборачиваясь к ней, доктор. – Думаете, лучше вот этот? Черт их разберет, эти провода! Только дайте мне, пожалуйста, ножницы.

– Нет, не надо! – повторила она уже громче. – Не надо ничего резать. Мне очень неловко. И давайте спустимся вниз!

Повторять дважды не пришлось, потому что доктор быстро слез со стула, а потом переместился на пол. Стоя на полу, он протянул ей руку и заметил:

– А ножницы я бы рекомендовал вам положить на стол.

Заметив, что она все еще сжимает в руке ножницы, безымянная пациентка положила их на деревянную поверхность и вложила ладонь в руку доктора. Он помог ей спуститься со стола.

– Ну вот и отлично! – заявил он, подводя ее к кровати. – Это маленькое приключение вас не утомило? Потому что вы выглядите далеко не самым лучшим образом.

Она действительно чувствовала усталость. А кроме того, ей было ужасно неудобно и даже стыдно. Она повела себя как капризная дошкольница. Кажется, и доктор заметил ее смущение, но ничего не сказал.

– Значит, настало время перекусить. Вам лучше всего лечь. Наш персонал о вас позаботится!

Появилась сиделка, которая при помощи особого пульта управления привела головную часть кровати в вертикальное положение. Теперь пациентка могла сидеть в ней, как в большом кресле. Откуда-то сбоку женщина извлекла спрятанный столик, развернула его и установила прямо перед сидевшей пациенткой. А затем вопросительно посмотрела на доктора.

Тот, потрепав пациентку по руке, сказал:

– Итак, вы же не против того, чтобы подкрепиться? Или хотите по-прежнему голодать?

Женщина мотнула головой и ответила:

– Нет, не хочу!

– Ну вот и отлично! – заявил весело доктор, и сиделка исчезла из палаты, чтобы вернуться через минуту с подносом, на котором находились пластиковые коробочки. Она сновисто расставила их перед пациенткой, сняла крышки, и по палате распространился аромат горячей еды.

Больная заметила в небольшой открытой коробочке две пилюли, круглую бирюзовую и овальную красную. Она отодвинула их от себя и заявила:

– Никаких таблеток я принимать не буду!

– Но как же так... – начала сиделка, но доктор поднял руку, и она мгновенно замолкла.

Пациентка же, сделав глоток апельсинового сока, повторила:

– Никаких таблеток я принимать не буду, пока не узнаю, что со мной случилось и почему я здесь нахожусь.

Доктор пожал плечами и указал сиделке на таблетки:

– Прошу вас, уберите их!

Женщина нехотя убрала коробочку с таблетками, и по выражению ее лица было видно, что она не согласна с решением своего шефа.

Допив сок, пациентка приступила к бульону с клецками. Доктор тактично вышел, заявив, что скоро вернется.

Когда он возвратился, пациентка уже принялась за пюре с жареной камбалой.

– Надеюсь, вам у нас нравится, – заметил он, а она произнесла:

– У вас – это где? В тюрьме? Решетки на окнах, двери, которые нельзя открыть изнутри, камеры наблюдения... Все это очень странно!

– Если вы думаете, что попали в тюрьму, то ошибаетесь! – заявил врач с жаром. – Сетка на окнах – это забота о безопасности наших пациентов. Потому что далеко не все являются такими образцовыми, как вы. Двери же во всей клинике сделаны так, что замок автоматически срабатывает, если их захлопнуть. Даже в моем кабинете! И никто не мешает вам покинуть палату и прогуляться, скажем, в нашем чудесном парке. Только вы не воспользовались всеми преимуществами нашей клиники, потому что до сегодняшнего дня почти все время спали!

Чувствуя, что ее неудержимо клонит в сон, пациентка сказала:

– Я хочу знать, что со мной случилось... И почему я здесь... И как скоро я смогу покинуть вашу клинику...

– У нас нет никаких секретов от наших пациентов! – ответил доктор. – И я отвечу на все ваши вопросы. Только сейчас, как мне кажется, вам надо отдохнуть. А завтра... Завтра мы поговорим о том, что с вами случилось!

Безымянная пациентка хотела возразить, но у нее ничего не вышло. Потому что слабость сковала ее, в ушах шумело, а веки закрывались сами собой. Она пробормотала еще что-то, однако слов разобрать было нельзя. А затем женщина погрузилась в сон.

Доктор постоял около нее, взял за кисть, измерил пульс, а затем оттянул вверх веко. Сомнений быть не могло – пациентка не притворялась, а действительно спала.

В палату вернулась сиделка, и доктор указал на поднос. Она беспрекословно взяла его и прошептала:

– Кажется, проблем с ней все равно не оберешься...

Доктор качнул головой и заметил:

– Ну что же, метод же экспериментальный, еще до конца не отработанный. Однако проблем не будет, уверяю тебя. Потому что мы их себе позволить не можем. Ни мы, ни наш заказчик!

Они вышли из палаты и прошествовали в соседнее помещение, представлявшее собой небольшой наблюдательный пункт. На стене располагалось не меньше дюжины телевизионных экранов, на которых можно было видеть каждый уголок палаты безымянной пациентки.

Она же, накрытая одеялом, мирно спала. Доктор остановился перед одним из экранов и, наблюдая за женщиной, вынул мобильный телефон. Когда абонент ответил, врач произнес:

– Она пришла в себя. Да, примерно полтора часа назад. Вела себя несколько агрессивно, однако нам это знакомо, не так ли? В прошлый раз все было гораздо хуже.

– Вы предлагаете повторить процедуру? – произнес собеседник, и доктор ответил:

– Мы повторили ее в общей сложности четыре раза. И прогресс налицо. Однако не стоит перегибать палку, потому что это может привести к непредсказуемым последствиям. При наиболее неблагоприятном раскладе она лишится всех воспоминаний – всех и окончательно. Мои эксперименты показали, что подобное наступает не позднее шестого или седьмого раза.

– У нее пока только четвертый! – заявил собеседник. – Так что еще один раз можно попробовать без вреда для ее глубинной памяти!

Доктор вздохнул и ответил:

– И все же я советую воздержаться от этого. Ведь у каждого индивидуальная реакция на процедуру. Некоторые превращались в двуногие «растения» и после двух раз. Организм у нее сильный, однако во время проведения последней процедуры некоторые показатели заставили меня насторожиться. Я вам говорил об этом. Боюсь, пятый раз может привести к плачевным последствиям. Однако это всего лишь мое мнение как эксперта. Решать в итоге вам...

Собеседник молчал секунд тридцать, а потом произнес:

– Ну что же, я положусь на ваше мнение. Вы ведь как-никак эксперт. Тогда приступайте ко второй части спектакля!

И, не прощаясь, повесил трубку. Доктор вздохнул и тихо чертыхнулся. Когда имеешь дело со всеми этими богатеями, надо настроиться на то, что обращаться они с тобой будут как с прислугой. «Вы ведь как-никак эксперт». Что за тон, что за формулировки! Он и есть эксперт – единственный в мире!

А эта пациентка, находившаяся в особом, закрытом, корпусе его клиники в гордом одиночестве, была совершенно особым случаем. Совершенно особым...

Потому что он ввязался в игру с очень высокими ставками. Просто колоссальными. И это значило: ему тоже причиталась определенная часть пирога.

Ключом ко всему была девчонка. Доктор снова посмотрела на фигурку, которая лежала на кровати, укрытая одеялом. Ведь все могло повернуться иначе... Но теперь уже ничего не поделаешь! Конечно, она была не пешкой в этой кровавой шахматной партии. Скорее даже королевой. Но ведь и королеву можно устранить...

В комнатку заглянула сиделка, почтительно поинтересовавшаяся:

– Дмитрий Антонович, а как быть с дозой? Оставлять на том же уровне или уменьшить?

Доктор рассеянно взглянул на сиделку и произнес:

– Пока оставьте на том же уровне, а дальше посмотрим. И не забывайте каждый раз предлагать ей таблетки.

– Да, разумеется! – осклабилась сиделка и исчезла.

Таблетки, которые девчонка отказалась принять – бирюзовая и красная, – были всего лишь плацебо, абсолютно безвредной смесью фруктового сахара и толченого мела. Но ведь пациентка этого не знала! А пребывала в уверенности, что никаких медикаментов не приняла.

Но в итоге все же приняла: они были подмешаны в апельсиновый сок. Пока за девчонкой требовался контроль. Ее нельзя было выпускать из поля зрения ни на секунду. А вот что будет дальше...

Дальше начнется отлично срежиссированный спектакль!

Она снова открыла глаза и уставилась в потолок. Такое ощущение, что это уже было. Так и есть, было – вчера? Или это было позавчера? Или, быть может, много тысяч лет назад? Нет, конечно же, вчера, когда же еще!

Она посмотрела в окно, полуприкрытое шторой, а потом перевела взгляд на камеру под потолком, в углу. Она сама убедилась в том, что камера не работала. И хотела даже перерезать провода, однако, слава богу, не сделала этого.

Этот седой моложавый ироничный врач... Ему удалось успокоить ее и расставить все по своим местам. Хотя... Хотя был ли это действительный порядок вещей, или кто-то выдавал его за таковой?

Она не знала, отчего эти вопросы вдруг стали беспокоить ее. Дверь палаты раскрылась, и появилась уже знакомая сиделка. В руках она держала поднос с завтраком.

– Доброе утро! – пропела она, водружая поднос на столик, зависший над кроватью. – Вы отлично выспались, ведь так?

Пациентка взглянула на обильный завтрак. Особого голода она не испытывала, однако выпила ананасового сока и отщипнула кусочек булочки. Сиделка недовольно покачала головой, но ничего не сказала.

Она протянула девушке две таблетки, но та решительно качнула головой.

– Нет, я же сказала, что принимать их не буду! И доктор тоже такого же мнения!

– Но они нужны для того, чтобы вы быстрее поправились! – заявила сиделка, а пациентка ответила:

– Сначала я хочу знать, чем я больна и почему нахожусь здесь! А потом поговорим обо всем остальном!

Все еще качая головой, сиделка убрала разноцветные таблетки, а пациентка направилась в ванную. Там она уставилась в большое зеркало, утопленное в стене, – она ведь до этого момента не подозревала, как, собственно, выглядит!

У нее были длинные темные волосы, овальное лицо, карие глаза. Ужасно, но она не могла сказать ни сколько ей лет, ни как ее зовут. Но, судя по всему, ей было около двадцати пяти.

Она приняла душ, вытерлась большим махровым полотенцем и натянула новую ночную рубашку, которая лежала на деревянной табуретке. Когда она вернулась в палату, то обнаружила там уже знакомого доктора. Тот сидел на стуле и читал желтую столичную газетенку «Бульвар-Экспресс», столь не сочетающуюся с его интеллигентным имиджем.

Пациентка быстро подошла к нему и бросила взгляд на дату. Седьмое сентября. Она даже успела разглядеть год – 2012-й, еще до того, как доктор быстро сложил газету, броский заголовок которой был посвящен грязному скандалу в благородном семействе стареющей поп-дивы, и приветливо сказал:

– Вы отлично выглядите! Все же нет ничего лучше здорового сна! Вы ведь со мной согласны?

Пациентка опустила на другой стул и сказала:

– Что со мной? Почему я абсолютно ничего не помню? Как такое может быть?

Доктор усмехнулся и сказал:

– Ну, разве вы абсолютно ничего не помните? Например, вы ведь помните, кто я такой? Или нашу милую сиделку тоже помните, ведь так?

Пациентка упрямо мотнула головой и ответила:

– Я имею в виду не это! Я не помню, как меня зовут. Я не знаю, сколько мне лет. Я не в курсе, почему вдруг оказалась здесь.

Доктор ласково посмотрел на нее, вздохнул и произнес:

– Ну что же, если разрешите, то мы начнем все же не с вас, а с меня. Меня зовут Дмитрий Антонович Гладышев, я – главный врач частной клиники «Мнемозина», которая расположена под Москвой. Сегодня пятница, седьмое сентября 2012 года. Думаю, вы не будете с этим спорить?

Пациентка развела руками и сказала:

– Я просто не знаю!

Доктор протянул ей газету, которую только что читал, и сказал:

– Посмотрите на дату! Хотя о чем это я...

Он извлек из кармана халата мобильный телефон и протянул его девушке. На экране виднелись большие цифры, показывавшие время – девять пятьдесят шесть, – и, помимо этого, в углу виднелась дата – пятница, седьмое сентября 2012 года.

– Собственно, меня не так интересует сегодняшняя дата, – продолжила пациентка, – сколько то, как долго я уже нахожусь в вашей клинике. Кстати, Мнемозина – это же римская богиня памяти, так ведь?

Доктор блеснул стеклами очков и с улыбкой произнес:

– Ну вот, видите, вы же далеко не все забыли! Хотя только что утверждали именно это. Ведь не скажете же вы, что случайно попали пальцем в небо! Да, вы не помните, кто вы и почему вы оказались у нас, но глубинные пласты вашей памяти функционируют.

Он ободряюще улыбнулся и продолжил:

– Универсальные знания никуда не исчезли, вы даже помните, кто такая Мнемозина.

– Зато не знаю, кто я такая! – ответила пациентка. – Вы сможете мне помочь?

Гладышев посмотрел на нее и заметил:

– Именно этим мы и занимаемся в последнее время. Проблема, конечно, в том, что вы напрочь забыли всю свою предыдущую жизнь. Редкий, но встречающийся случай ретроградной амнезии, в вашем случае так называемой «генерализированной» амнезии. Вы ведь понимаете, о чем идет речь?

Пациентка кивнула и ответила:

– Вы хотите сказать, что я забыла все? Буквально все?

– Ну, все, что касается вашей жизни. А вот многие, казалось бы, ненужные факты до сих пор сохранились в вашей памяти. Более того: вся ваша предыдущая жизнь, все события, которые вы сейчас стараетесь мучительно вспомнить, тоже никуда не исчезли. Просто, если использовать образное сравнение, вы положили часть вещей на чердак, а ключ от него потеряли...

Пациентка криво усмехнулась:

– Не часть вещей, а всю свою жизнь! Ведь я не помню ничегошеньки! Даже своего имени! Кстати, как меня зовут?

Дмитрий Антонович взглянул на нее и сказал:

– Ну что же, я тоже считаю, что нам пора переходить к следующему этапу. Вас зовут Ирина. Ирина Владимировна Линецкая.

Ирина... Вот, оказывается, какое у нее имя! Странно, но оно не вызывало у нее ни малейших эмоций – ни положительных, ни отрицательных.

– Вам двадцать шесть лет. И проживаете вы в Москве...

Гладышев запнулся, и пациентка – Ирина Линецкая – произнесла:

– У меня же имеются родные? Родители, брат, сестра? Или, может быть, муж? Дети?

Она тоже запнулась – интересно, разве можно забыть, что являешься матерью? Состояние, в котором она находилось, нельзя было описать при помощи, например, метеорологических терминов. В голове у нее не было тумана, который не позволял здраво и логично размышлять. Подошли бы, вероятнее всего, термины железнодорожные. У нее в голове были пути – рельсы и шпалы, которые никуда не вели. Вроде бы ей казалось, что вот он, пресловутый миг, стоит пойти по этой дорожке, и она выведет ее к собственному прошлому. Но железнодорожные пути вдруг обрывались, замирая над бездной. И не было видно, что эта за бездна, над которой они зависли.

Гладышев мягко улыбнулся и произнес:

– Давайте обо всем по порядку, Ирина Владимировна. Теперь я могу называть вас по имени. Раньше этого делать было нельзя. Потому что у каждой фазы свои особенности. И то, что может быть целительно в одной ситуации, легко нанесет вред в другой.

Пациентке явно хотелось задать ему тысячу вопросов, однако она сдержалась. Улыбнувшись, Гладышев продолжил:

– Однако ничто не препятствует тому, чтобы вы узнали, Ирина Владимировна, что у вас имеются и родители, и старший брат, а также муж и очаровательная дочка!

Эти слова заставили ее сердце биться чаще. У нее имеются муж и дочка? Она могла забыть, как их зовут. Она могла забыть, как они выглядят. Но разве она могла забыть, что любит их?! Похоже, могла...

– Вашего супруга зовут Вадим, а дочку – Людмила. Или Людочка, как вы называете ее. Ей три годика...

Нет, она решительно не помнила ни о какой дочке. И ни о каком муже. Однако она не сомневалась, что все то, что говорит Гладышев, соответствует действительности. Ведь она ничего не помнила – или, во всяком случае, почти ничего...

– Почему я оказалась здесь? Что со мной случилось? Я что, психически... Психически больная? – спросила она с опаской.

Дмитрий Антонович сверкнул очками и заметил:

– Конечно же, нет, Ирина Владимировна! Клиника у нас не психиатрическая, в ней находятся люди, имеющие проблемы с функцией памяти. Да, в некоторых случаях подобное вызывается психическими заболеваниями, и у нас имеется и такое отделение, однако мы находимся не в нем.

Это немного успокоило Ирину – все же было бы страшно узнать, что являешься пациенткой сумасшедшего дома. Это заведение, «Мнемозина», походило на клинику для весьма и весьма состоятельных людей. Никакого сравнения с государственными медучреждениями...

Странно, откуда она знает, как выглядят государственные больницы? Знает – и все тут. На мгновение ей показалось, что у нее мелькнула какая-то мысль. Точнее, какой-то образ. Но видение исчезло так же, как и возникло – беспричинно и молниеносно.

– С вами все в порядке? – произнес с некоторым беспокойством Гладышев, заметивший, что пациентка на мгновение задумалась.

Она, тряхнув собранными в пучок длинными темными волосами, ответила:

– Да, да. А какие отделения у вас еще имеются?

Доктор улыбнулся и заметил:

– Что ж, перед выпиской я могу устроить для вас небольшую экскурсию. Наша клиника возникла не так давно, нам не нужна назойливая реклама. Те, кто нуждается в нашей помощи, сами находят нас. Ведь технологии у нас уникальные, а результаты превосходят все ожидания!

Он смолк, видимо, поняв, что не стоит расхваливать клинику перед одной из пациенток, и продолжил:

– Итак, вернемся к тому, как вы у нас оказались. Значит, вас интересует, как долго вы являетесь нашей гостьей? Чуть больше месяца – с тридцать первого июля 2012 года.

Ирина быстро подсчитала – если ее доставили сюда тридцать первого июля, а сегодня седьмое сентября, значит, в клинике «Мнемозина» она пребывает тридцать девять дней. Много это или мало?

Гладышев, казалось, прочитал ее мысли, потому что задал этот же вопрос:

– Так много это или мало, Ирина Владимировна? Все зависит от ситуации. И от индивидуума. То есть от пациента – в нашем случае от пациентки. И, конечно, от организма. В первую очередь – от мозга. Я уже давно бьюсь над его секретами, некоторые, как мне кажется, даже сумел раскрыть, однако затем снова и снова убеждаюсь в том, что новых загадок становится отнюдь не меньше, а больше.

Он помолчал и добавил:

– Ваше пребывание здесь – это рекордно короткий срок. В нашей клинике имеются пациенты, живущие без воспоминаний месяцами, а некоторые даже годами! Вам же потребовался всего лишь месяц с небольшим, чтобы прийти в норму...

– Но я до сих пор не в состоянии вспомнить, что со мной произошло! – заявила Ирина, и доктор ласково улыбнулся:

– Ну, я уверен, что это скоро изменится, потому что улучшение налицо. Вы ведь уверены, что раньше меня не видели и мы с вами знакомы не были. А это не так, Ирина Владимировна! Я являюсь вашим лечащим врачом с первой же минуты вашего пребывания в «Мнемотозине». И вы вообще не находились в коме и не пребывали без сознания все эти тридцать девять дней. Только в первые два дня сознание у вас было спутанное, а потом вы быстро пришли в себя и адаптировались. Затем мы сразу с вами и познакомимся!

Ирина закрыла глаза и попыталась вспомнить все то, о чем вел речь Гладышев. Однако нет, она помнила только, как он появился у нее за спиной в тот момент, когда она балансировала на стуле и пыталась вырвать провода камеры наблюдения. Она была уверена, что до этого момента Гладышева не знала.

– Кажется, вы все еще мне не верите? – спросил Дмитрий Антонович с усмешкой. – Нет, это отнюдь не претензия, а всего лишь констатация факта. Я бы на вашем месте, наверное, тоже не поверил. Вот, смотрите!

Он протянул ей тонкую папку, открыв которую Ирина увидела фотографии. На них были изображены она сама и доктор Гладышев. Вот она сидит на кровати, а он стоит рядом. Вот они идут по парку, меж величественных елей. Здесь они остановились около пруда, около большого дуба и беседки.

– Все фотографии сделаны за время вашего пребывания у нас. Причем, уверяю вас, не тайно, в целях наблюдения, а по просьбе вашего супруга, который и поместил вас в нашу клинику. И руководствовался он исключительно вашими интересами! Потому что фотографии – это один из методов нашего лечения. Только при помощи подобных технических средств можно удержать мгновения, которые вот-вот канут в Лету!

И опять ее супруг... Вадим... Интересно, какой он из себя? Ответа на этот вопрос у Ирины не было. Однако она не сомневалась, что скоро ей предстоит получить его.

– Поверьте, Вадим Алексеевич вас любит. Причем больше всего на свете. Думаю, даже еще больше, чем вашу красавицу-дочку. Он приложил все усилия, чтобы помочь вам. И наше лечение увенчалось успехом!

В голосе доктора Гладышева сквозила гордость.

– В первые дни пребывания у нас вы страдали непрерывной амнезией. То есть забывали все, что только что случилось с вами. При этом какие-то фоновые знания все еще давали знать о себе, но это только усугубляло путаницу. Однако подробное состояние продлилось недолго, мы сумели нейтрализовать его при помощи медикаментов, а также разработанной лично мной мнемотической программы выздоровления. Или, проще говоря, мнемотической гимнастики доктора Гладышева. То есть меня. Она, кстати, является нашим ноу-хау.

Ирина взглянула на него и сказала:

– И сколько раз мы с вами знакомимся? Сколько раз вы уже вели подобные беседы со мной?

Гладышев снял очки, потер переносицу и задумался.

– Если я скажу, что не помню, то это будет походить на дурную шутку. Фактически каждый день. Однако в этот раз я уверен – вы выздоравливаете. И больше не забудете, что с вами происходит, в частности, что мы с вами беседовали. Так же, как вы не забыли, что мы с вами познакомились вчера. Раньше воспоминание об этом исчезало в среднем через пять часов...

– Так что со мной случилось? – заявила Ирина, а Гладышев, посмотрев на наручные часы, произнес:

– Об этом мы поговорим завтра!

– Но я хочу сейчас! Я чувствую себя совершенно здоровой! – упрямо заявила пациентка.

Дмитрий Антонович ответил:

– Понимаю ваше нетерпение, однако вам придется смириться с тем, что я сказал. Потому что ваше нынешнее состояние вызвано психологическим шоком, и слишком большое количество информации может привести к его повторению. Этого, конечно, мы допустить не можем.

Улыбнувшись, он добавил:

– Если и после сегодняшней ночи вы не забудете нашей беседы, то вы готовы к выписке. Нет, не здоровы, но в состоянии вернуться в лоно семьи. Однако, чтобы это произошло, необходимо регулярно проходить процедуры, цель которых – заставить ваш мозг работать, а ваши воспоминания – вернуться.

– Для этого надо принимать таблетки? – спросила несколько недовольно Ирина. – Если так, то я не согласна. Я не хочу...

– Таблеток не будет, договорились! – заключил веселым тоном Гладышев. – Собственно, я и сам не большой сторонник тяжелых медикаментозных средств. Нет, вам предстоит кое-какие процедуры. Совершенно безболезненные, уверяю вас! И крайне необходимые! Вы ведь хотели осмотреть клинику? Так пойдете же!

Он подошел к двери и постучал. Через несколько секунд сиделка открыла ее со стороны коридора, в который и вышла Ирина. Коридор был длинный, уводящий вдаль. Они шли мимо окон, за которыми виднелся парк.

– Заповедное, волшебное место! – произнес Дмитрий Антонович. – Мы бы ни за что не получили разрешения построить здесь нашу клинику, если бы не несколько чрезвычайно высокопоставленных пациентов. Вернее, их родственников. Тогда наша «Мнемозина» располагалась еще на задворках столицы. Но после того, как нам удалось помочь некоторым страждущим, их важные родственники поняли, что нам требуется уединенное, спокойное место.

Они двинулись вниз по лестнице.

– Только не просите, чтобы я назвал вам имена этих пациентов и их родственников! – хохотнул Гладышев, ужасно довольный собой, – это, видимо, была его коронная шутка.

– Скажите, а если воспоминаний нет, может ли остаться чувство... Не знаю, как правильно это выразить... Чувство, навеваемое ими...

Дмитрий Антонович внимательно взглянул на нее и заметил:

– Интересный аспект... Если продолжить сравнение с чердаком или, скажем, с кладовкой, то можно сказать, что воспоминаний в вашем случае нет, они наглухо заперты, а ключ исчез. И о самой кладовке вы даже не знаете, вам неизвестно, что она существует. Но ведь имеется стена, из-за которой до вас доносится тонкий писк и поцокивание коготков крыс, которые обитают в кладовке. То есть вроде бы кладовки вам не видно, но звуки, издаваемые крысами, которые, шебурша, шмыгают меж закрытых там вещей, вы все же слышите. И, слыша их, вы осознаете, что есть и крысы, и вещи, и кладовка.

Они спустились по лестнице на два этажа вниз и оказались перед массивной металлической дверью. Гладышев нажал на кнопку звонка, и через несколько мгновений дверь запахнулась. Их встретила улыбчивая особа в белом халате. Кивнув ей, Дмитрий Антонович продолжил:

– Так и с отголосками воспоминаний. Вроде бы воспоминаний нет, но ведь они не исчезли. Они все еще существуют. Старый художник давно умер, но в ателье, расположенном в мансарде, все еще стоят закутанные в простыни мольберты, а на дощатом полу виден причудливый узор намертво въевшихся в них масляных красок...

– Но ведь может стать, что там живет не новый художник, а старая вдова или ветреный студент? – спросила вдруг Ирина. – Художника нет и не будет, и то, что осталось после него, никому уже не принадлежит...

Она могла поклясться, что на мгновение – всего лишь на мгновение! – в глазах доктора, спрятанных за стеклами очков, мелькнул страх. Но затем все улеглось. Наверняка ей показалось – отчего бы он стал пугаться странного сравнения?

Они прошли по еще одному коридору и попали в большую комнату без окон. Ирина заметила аппарат, напоминавший компьютерный томограф. Одна из медсестер распустила ей волосы, а доктор Гладышев, указывая на лежак, застеленный розовой тканью, сказал:

– Этот огромный аппарат нужен для активизации ареалов коры вашего головного мозга, ответственных за воспоминания. Это и есть мнемотическая гимнастика, о которой я вел речь. Так же, посещая фитнес-клуб, можно поддерживать в тонусе мышцы. А при помощи этого прибора – свой мозг. Конечно, нельзя превратиться в гения, даже если постоянно будете тренировать мозг при помощи этой гимнастики, потому что она нацелена на то, чтобы прорвать блокады и позволить вашим воспоминаниям вернуться к вам.

Ирину попросили опуститься на лежак, после чего он с тихим жужжанием въехал в большую металлическую трубу. Уставившись в потолок, пациентка заметила экран, на котором появлялись и исчезали сказочные цветы. Ее обволакивала тихая классическая музыка. А потом до нее донесся голос доктора Гладышева:

– Ирина Владимировна, сейчас мы приступим к мнемотической гимнастике. Вам делать ничего не надо, можете смотреть на экран, а можете закрыть глаза и расслабиться. Музыка вам оставить или выключить?

– Пожалуйста, выключите! – попросила Ирина, и снова мелькнуло воспоминание. Музыка, музыка, музыка... Классическая... Бетховен или Моцарт? Или, быть может, Шопен?

– На нашей свадьбе играли «Маленькую ночную серенаду». А официант поскользнулся и уронил на пол поднос с бокалами шампанского...

Это вырвалось у нее само собой, непроизвольно. И вдруг, зажмурившись, она увидела эту сцену во всех подробностях. Да, несомненно, эта счастливая невеста в белом кружевном платье – она сама. А этот ослепительный красавец-блондин во фраке – ее муж. Вадим... Они держатся за руки и кружатся, кружатся, кружатся...

Она не могла сказать, сколько продолжалось это видение. Видение, которое потом перешло в сон. Вроде бы – всего несколько мгновений, от силы пару минут. А потом раз – она открыла глаза и поняла, что находится в палате.

Ирина отбросила одеяло и встала босыми ногами на прохладный пол. В окно вливался сумрачный, кажется, утренний свет – значит, целый день уже прошел? Она снова просыпается – и все начинается сначала. И ничего изменить нельзя. Прямо как в фильме «День сурка»!

Однако по стеклам барабанил легкий дождь, а ведь накануне дождя не было. Значит, движение вперед все же есть? Значит, она не является пленницей кошмарного сна? Но тут она в ужасе подумала о том, что не помнит, как оказалась в палате. Она ничего не помнит! Значит, все напрасно, значит, опять возвращение в прежней фазе...

Но она тут же успокоилась. Нет, она же помнит, как беседовала с Дмитрием Антоновичем. И знает о чем. Потом они спустились вниз, в отделение, где стоял этот странный аппарат, после чего она отключилась. Но что было дальше?

Дверь палаты открылась, и возник доктор Гладышев.

– Доброе утро, Ирина Владимировна! Хотя, как вы видите, не такое уж оно и доброе – с учетом погоды. В пятницу сияло солнце и было тепло, а в субботу, как только пришли выходные, небо затянуло тучами и полил дождь...

– Вы в субботу на работе? – спросила его Ирина, испытывая к говорливому медику симпатию.

Тот развел руками и признался:

– Ну не могу же я оставить своих пациентов! Например, вас, Ирина Владимировна. Но не думайте, что я трудоголик и провожу все дни напролет в клинике. Просто если процесс регенерации, как в вашем случае, приходится на выходные, то я отменяю все свои планы и продолжаю работу.

– Что со мной вчера случилось? – спросила Ирина. – Я что, заснула в этом аппарате?

– В «машине воспоминаний», как мы называем наш агрегат? – улыбнулся Гладышев. – Да, представьте себе, заснули. Причем так крепко, что вы даже не заметили, когда мы извлекли вас оттуда и привезли обратно в палату. Впрочем, это был полезный сон, ведь сон и воспоминания напрямую связаны друг с другом. И то, что вы так глубоко спали, свидетельствует о том, что процесс выздоровления идет сейчас не по дням, а по часам. Вот, прежде чем заснуть, вы вели речь о вашей свадьбе...

Ирина посмотрела на доктора – и вдруг вспомнила. Вспомнила отчетливо, так, что воспоминание как будто даже кольнуло ее. Ее собственная свадьба. Конечно, вспомнила она не всю торжественную процедуру, а наиболее значимые и важные моменты. И те, что просто остались у нее в памяти, вроде инцидента с поскользнувшимся официантом.

Доктор Гладышев верно истолковал изумленное выражение лица Ирины, а когда она бросилась ему на шею, даже добродушно рассмеялся.

– Вы просто чудесник! – заявила она. – Но как у вас это вышло?

Потирая щеку, в которую его чмокнула благодарная пациентка, Дмитрий Антонович сказал:

– Не буду утомлять вас медицинскими и техническими подробностями. Однако вы правы, Ирина Владимировна, наша «машина воспоминаний» представляет собой прорыв в области компьютеризированных неврологических исследований. Так, раз за разом, мы будем извлекать на поверхность одно воспоминание за другим. А потом, когда критический порог будет перейден, воспоминания обрушатся на вас гигантским потоком, как лавина в горах. И все, тогда вы окончательно будете здоровы!

– Насколько я помню... – сказала Ирина и запнулась. Какое, однако, странное, словосочетание.

– Ничего страшного! – заявил Гладышев. – Вы можете, более того, вам следует так говорить. Да, вы помните! Еще не все. Может быть, вы никогда не вспомните все, что знали до того, как оказались в нашей клинике, но гарантирую вам – большая часть воспоминаний вернется к вам. А те, что нет... Значит, так тому и быть, значит, они этого не стоят!

Поколебавшись, Ирина спросила:

– Вы обещали рассказать мне о том, что привело к амнезии. Она ведь не случилась на пустом месте?

Доктор нервным жестом потер руки и сказал:

– Сначала позавтракайте, а потом предлагаю вам прогуляться по парку. Если погода, конечно, не ухудшится!

После того как Ирина перекусила и приняла душ, она облачилась в приготовленное сиделкой простое белое платье, несколько смахивавшее на больничную рубашку, поверх которой она надела теплый халат.

Дождь все еще продолжал накрапывать, но сияло солнце. Дмитрий Антонович галантно распахнул большой разноцветный зонтик и, держа его над головой Ирины, предложил ей прогуляться по длинной аллее.

– Причиной амнезии может стать многое, – сказал он, – но в вашем случае она была вызвана автомобильной катастрофой, в которую вы попали тридцать первого июля. Во время катастрофы вы сильно ударились головой о лобовое стекло, однако ваш головной мозг поврежден не был. Это подтвердили все проведенные нами тесты.

Он смолк, а Ирина быстро спросила:

– Во время катастрофы кто-то пострадал?

– Вас подрезал лихач, который скрылся с места происшествия. Увы, его так и не нашли. Причем, чтобы избежать столкновения, вы резко вывернули – и переехали невесту откуда взявшуюся на дороге собаку. В машине вы были не одна, а со своей дочкой Людочкой. Однако она отделалась легким испугом и несколькими травмами. А вот вы получили амнезию.

Они подошли к пруду, Ирина заметила знакомую ей по фотографии мраморную беседку, но Дмитрий Антонович качнул головой:

– Там хорошо летом, а сейчас скамейки наверняка отсырели. Так что лучше давайте прогуляемся к зимнему саду!

Он указал в противоположном направлении, и они двинулись туда. Дождь закончился, и доктор сложил зонт, используя его в качестве трости.

– В сущности, ничего ужасного не произошло. Да, собака, которая угодила под колеса вашего автомобиля, погибла, но ведь могло быть гораздо хуже – могли погибнуть вы с дочкой! И на животное вы наехали не намеренно, а случайно, из-за этого так и не пойманного лихача. Но вся эта роковая цепь событий – авария, задавленная собака, кричащая дочка на заднем сиденье – вызвала у вас шоковое состояние, а вслед за ним – и амнезию.

– А это точно была собака? – спросила тихо Ирина.

Дмитрий Антонович пошевелил бровями и шутливо спросил:

– Вы думаете, я что-то утаиваю от вас? Нет, погибла только собака – вот и все. Собственно, больше всего пострадали именно вы. Вот, хотите взглянуть?

Он протянул ей номер уже известной ей желтой газеты «Бульвар-Экспресс» от первого августа – на одной из последних страниц Ирина отыскала заметку об аварии, имевшей место на МКАД, в которой упоминалось, что водитель была доставлена в одну из столичных больниц.

– И это все? – протянула несколько разочарованно Ирина, и доктор Гладышев вздохнул:

– Я же говорю, что вам сказочно повезло! В некоторых случаях амнезия является своего рода защитной реакцией организма на драматические события, которые мозг не в состоянии воспринять и переработать. Но в вашем случае это была небольшая авария. Этим-то и объясняется то, что вы так быстро поправились!

Они вышли к зимнему саду, откуда было рукой подать до центрального комплекса клиники «Мнемозина». Ирина почувствовала облегчение – теперь она знала правду. Но отчего-то это не принесло ей чувства удовлетворения.

Уж слишком... Слишком просто все было. Неужели она была до такой степени истеричной и экзальтированной дамочкой, что забыла, как ее зовут, только из-за того, что попала в передрагу? Но ведь доктор Гладышев сказал, что амнезию может вызвать не только какое-то действительно ужасное, но и вполне заурядное событие.

Они вернулись в палату, и Дмитрий Антонович торжественно произнес:

– Думаю, завтра вы можете вернуться домой. Вам ведь надоело находиться у нас в клинике?

Ирина не знала, что сказать в ответ. Она вопросительно посмотрела на Гладышева, и он продолжил:

– Однако не забывайте: вам нужно регулярно проходить сеанс мнемотической гимнастики. И очередной сеанс ожидает вас прямо сейчас. Вы ведь хотите, чтобы к вам вернулось еще несколько важных и приятных воспоминаний?

Она снова заснула во время процедуры, однако, открыв глаза и поняв, что находится в палате и что наступило новое утро, утро воскресенья, девятого сентября, Ирина не испугалась.

Наоборот, она обрадовалась. Потому что в этот день она должна была встретиться со своей семьей. И потому что за ночь ей удалось вспомнить посещение какого-то вернисажа вместе с Вадимом. А потом, на обратном пути, они еще долго целовались перед тем, как поехать домой. На ней было открытое бордовое платье, а на нем – смокинг...

И все же Ирина боялась встречи со своей семьей. Впрочем, появившийся доктор Гладышев успокоил: забрать ее приехал только один муж.

– Вас хотели встречать и прочие родственники, однако я отговорил Вадима Алексеевича от этого. Впрочем, позволю себе заметить, что дома вас ожидает, по всей видимости, сюрприз!

Он мягко улыбнулся, и Ирина стала тепло благодарить доктора Гладышева.

– О, вы ведь были примерной и очень интересной пациенткой! – заявил он. – Ну что же, ваш супруг обещался приехать к часу дня, вы ведь не хотите предстать перед ним в больничном одеянии?

В клинике имелись парикмахерша, стилист и даже маникюрша. На выбор Ирине предложили около двух десятков платьев, одно краше другого. Вообще-то все они были более уместны для вечерних приемов, а не для встречи с мужем после месячного пребывания в клинике. Однако Ирина не стала возражать и выбрала темно-зеленое, элегантное.

Странно, но она не могла сказать, какой цвет у нее был любимым. Надо будет поинтересоваться этим у Вадима. У мужа... Да, теперь у нее были воспоминания, в которых фигурировал Вадим, она знала, что он – ее законный супруг. Но чувства все еще не вернулись...

Любит она его или нет? Это она спрашивать у него, конечно же, не собиралась. Но избавиться от волнения она так и не могла. Только посмотрев в зеркало, Ирина поняла, что превратилась в молодую красавицу. Она даже сначала не поверила, что это ее отражение. Эта особа в темно-зеленом платье была такой... Непрístupной? Надменной? Таинственной?

Как ни крути, но этой дамочкой была она сама. И только после того, как парикмахерша, стилист и маникюрша удалились, Ирина вдруг подумала о том, что месячное пребывание в клинике «Мнемозина» наверняка влетело ее семье в копеечку. Сколько может стоить курс лечения здесь? Ведь доктор Гладышев как-то упомянул о том, что лечатся у него богатые и знаменитые. Для простых людей ворота его клиники оставались закрытыми.

Выходило, что она не была простым человеком. И воспоминания, которые роились теперь у нее в голове, подтверждали это. Ее свадьба с Вадимом была грандиозной... Ее платье шилось в Лондоне... Автомобиль... Какой у нее был автомобиль? В записке речь шла о «Порше». Автомобиль явно не для бедных. И теперь еще месяц с небольшим пребывания в «Мнемозине»...

Даже если ее муж и был состоятельным человеком, то за курс лечения в клинике ему пришлось выложить круглую сумму. И то, что он сделал это, лишний раз доказывает – Вадим любит ее! Но отчего-то ее занимал иной вопрос: а любит ли его она?

Но задуматься над финансовой стороной у нее элементарно не хватило времени – появившаяся сиделка сообщила, что ее ожидают. Ирина вышла из палаты и окинула ее в последний раз взглядом. В клинику она еще наведается, и не раз, для проведения мнемотической гимнастики. А вот в палату она больше ни ногой!

Она спустилась на первый этаж, и сиделка проводила ее в небольшой зал, обставленный как холл стильной гостиницы, и попросила ее подождать.

Ждать пришлось недолго, потому что двери открылись, и появился улыбающийся доктор Гладышев. Дмитрий Антонович отошел в сторону, и Ирина увидела Вадима.

Да, он был точно таким же, как и в ее воспоминаниях. Высокий, светловолосый, с чуть раскосыми зелеными глазами и обаятельной мальчишеской улыбкой. Облачен Вадим был в джинсы и легкий кашемировый свитер вишневого цвета, под которым бугрились мышцы.

Он быстро взглянул на Гладышева, и тот, улыбаясь, закивал головой и тактично вышел из комнаты. Вадим сделал шаг навстречу Ирине и произнес, чуть запинаясь:

– Ириша, Дмитрий Антонович сказал, что ты знаешь, кто я...

Странно, но голос его она не узнала. Воспоминаний об этом не осталось. Тембр у Вадима был низкий, приятный. С хрипотцой, обычно именуемой сексуальной. И вообще внешностью он походил на восходящую звезду кинематографа.

Переминаясь с ноги на ногу, он взглянул на жену, и Ирина заметила, что на глаза у него навернулись слезы. Поэтому, действуя больше по наитию, чем по расчету, она подбежала к нему и бросилась на шею.

Ну конечно, это был Вадим. Это был ее любящий муж. Тот, кому она могла доверять и кто заботился о ней. И хотя она еще не знала, любит ли его или нет, Ирина поцеловала его в щеку. Быстро. Стремительно.

Вадим привлек ее к себе, наверняка желая поцеловать по-настоящему. Но Ирина отвернулась, и в этот момент в комнату вернулся доктор Гладышев. Он деликатно кашлянул и заметил:

– Ирина Владимировна, Вадим Алексеевич, в первое время вам обоим будем многое казаться странным, но вы привыкнете к этому. А потом воспоминания вернуться к вам, Ирина Владимировна, и все станет по-прежнему. Однако не надо торопить события – эта реплика относится к вам, Вадим Алексеевич!

Говорил доктор мягко, однако чувствовалось, что воспринимать их надо всерьез. Вадим провел пальцем по руке жены и прошептал:

– Какая же ты красивая, Ириша! И как я рад, что все осталось позади!

– Не совсем! – подхватил эту тему доктор Гладышев. – Не забывайте, Ирина Владимировна, что в первые четыре недели вы должны приезжать на мнемотическую гимнастику каждый день, потом в течение трех месяцев каждые два дня, наконец, в течение полугодия два раза в неделю, а потом – в зависимости от ситуации. Однако по завершении этого курса к вам вернется не менее девяноста процентов воспоминаний, это я вам гарантирую!

Он вопросительно посмотрел на Ирину, потом на Вадима, и они оба дружно заверили доктора:

– Конечно, так и будет!

– Иного ответа я и не ожидал! – заявил он и добавил, обращаясь к Вадиму: – Расписание процедур у вас имеется, так что приложите все усилия, чтобы Ирина Владимировна придерживалась графика. Сегодня, в честь возвращения домой, процедуру придется отменить. Однако я жду вас завтра, Ирина Владимировна!

Он проводил их до крыльца клиники. Там стоял черный двухместный «Мерседес», принадлежавший, как поняла Ирина, ее мужу. Странно, но этого она не помнила. Впрочем, марки и количество автомобилей в ее семье ее волновали меньше всего.

Она попрощалась с доктором Гладышевым, зная, что увидит его на следующий день, а Вадим уже уселся за руль. Гравий полетел из-под колес «Мерседеса», рванувшего по аллее к центральным воротам. Вадим с улыбкой повернулся к Ирине.

– Я так рад, что ты наконец выздоровела, Ириша! Я так ждал этого момента! Так ждал! Видимо, заметив, что лицо жены побелело, он обеспокоенно спросил:

– Тебе что, плохо? Вернуться обратно, в клинику?

– Не гони так! – заявила Ирина. – Ты же знаешь, из-за чего я оказалась здесь. Из-за этого типа, который так же гнал!

Вадим резко сбросил скорость и виновато улыбнулся, что сделало его еще более неотразимым:

– Ириша, извини, как же я мог об этом забыть! Идиот, да и только! Просто я на седьмом небе от счастья, что ты возвращаешься домой! Ко мне и нашим деткам!

Он запнулся и быстро добавил:

– К нашей дочке, конечно, я хотел сказать, к нашей дочке. К нашей Людочке!

Людочка... Их дочь... Интересно, сколько они уже вместе и в каком именно году поженились? Этого Ирина сказать не могла – просто не помнила. Все же странная штука эта память – к ней вернулись воспоминания об их пышной свадьбе, однако она не знала ни месяца, ни числа, ни года.

Спрашивать Вадима она не стала – к чему? Ирина подумала, что то, что произошло с ней, явилось ударом для ее родных и близких. Этого она как-то до сих пор не учитывала. А ведь они тоже наверняка страдают и переживают...

Она то и дело бросала взгляды на Вадима, уверенно крутившего руль. Да, определенно, она сделала хороший выбор. Он наверняка отличный и преданный муж! Только вот чем он занимается? Этого она тоже не знала.

– Все только и спрашивают что о тебе! – вещал Вадим, кажется, не замечавший, что Ирина пристально изучает его. – Все наши друзья, естественно. Но врачи пока что не рекомендуют тебе общение с большим количеством людей. Тебе нужно постепенно вливаться в обычную жизнь...

– У нас их много, друзей? – спросила Ирина, и Вадим с улыбкой ответил:

– Ну конечно, Ириша! Ведь тебя все обожают! И сколько у тебя друзей! Друзья тоже имеются, но немного, я же ревнивый!

Он рассмеялся и бросил на нее полный любви взгляд.

Друзей она не помнила совершенно. Ну ничего, ведь доктор Гладышев обещал, что к ней вернется не менее девяноста процентов воспоминаний. А вот оставшиеся десять? Как он сказал о них: то, что вспоминать не следует, и не вспомнится? Только что именно вспоминать не следует?

И снова что-то пошевелилось в ее черепной коробке, как будто промелькнула тень воспоминания. Мрачного. Тяжелого. Кошмарного. Но Ирина в этот раз отогнала назойливую мысль. Нет, зачем в самом деле какие-то дурные картинки в голове! Ведь многие бы отдали полжизни за то, чтобы избавиться от страшных воспоминаний, а она посредством медицинского казуса избавилась от них. Разве это плохо?

Вадим все говорил и говорил, высыпая на Ирину все новые и новые подробности. Имена, факты, события, веселые истории. Ничего этого ей известно не было – пока. Но женщина знала: скоро, совсем скоро все изменится. Она приложит все усилия, чтобы это произошло.

Поездка длилась около часа. Затем они подъехали к воротам, около которых находилась приземистая кирпичная будка. Ирина увидела плечистого, коротко остриженного молодчика, подошедшего к ним. Он вежливо кивнул Вадиму, назвав его по имени и отчеству. А затем его взгляд переместился на Ирину.

Его лицо расплылось в улыбке, совершенно ему не шедшей, и тип пробасил:

– Добрый день, Ирина Владимировна! Очень рад вас видеть. Отлично выглядите!

Значит, он ее знал, а она, конечно же, его не помнила. Шлагбаум пошел вверх, ворота, за которыми располагался элитный поселок, открылись.

– Спасибо, Олег, у моей жены все в полном порядке! – заметил Вадим, нахмурившись. То ли ему не понравилось, что простой охранник беседовал с его супругой, то ли он попросту ревновал ее к этому местному Рэмбо.

«Мерседес» покатился по идеальным, отлично заасфальтированным улицам. В глаза Ирине бросились особняки – в три или четыре этажа, разностильные, однако нарядные и стоившие наверняка не один миллион (в долларах).

Они обитали в деревне для богатых. И, следовательно, сами были из их числа. Впрочем, Ирина уже пришла к этому выводу: ведь она поняла, что пребывание в «Мнемозине» обошлось ее мужу в круглую сумму. Да и автопарк у их семейства был тоже далеко не самый плохой...

Муж... Она впервые подумала так о Вадиме. Да, он ее муж. Она улыбнулась, окинув его взором, и Вадим в этот момент повернулся к ней и с улыбкой же спросил:

– Ты рада, что мы приехали домой?

– Очень! – ответила Ирина, хотя боялась того момента, когда ей придется переступить порог особняка. Кстати, какой же из этих подмосковных замков принадлежал им?

Вадим, заметив ее колебания, произнес:

– Ты ведь не помнишь, как выглядит наше жилище? А ведь ты когда-то отчаянно спорила с архитектором. Бьюсь об заклад, что ты сразу узнаешь его. Я не буду подсказывать! Тебе подскажет твое сердце!

Их автомобиль медленно катил по улочкам. Вечерело, в воздухе разлились лучи заходящего сентябрьского солнца. Ирина переводила взор с одного особняка на другой. Странно, что до сих пор она не заметила ни одного соседа, но в особняках горел свет, виднелись припаркованные автомобили.

И еще... Она не видела и не слышала детей. Их здесь просто не было. Эта картинка, вообще-то идиллическая, вызвала у нее определенную панику. Только почему? Причин для этого попросту не было.

Завидев небольшой замок в помпезном стиле, она перевела взгляд на Вадима. Он с невозмутимым выражением лица смотрел вперед, не выказывая ни малейших эмоций.

– Нет, это точно не наш! – сказала Ирина, и Вадим кивнул головой. Они свернули на соседнюю улицу, и Ирина заметила какое-то модернистское строение причудливой формы. Создавалось впечатление, что окон в этом доме не было, а часть крыши попросту отсутствовала.

С азартом взглянув на Вадима, Ирина заявила:

– Нет, это тоже не наш!

Но Вадим заглушил мотор, и автомобиль замер прямо перед въездом в этот особняк. Ирина приуныла – ну вот, значит, она даже не помнит, где когда-то жила...

Но муж весело взглянул на нее и сказал:

– И в этот раз ты тоже угадала! Нет, не наш!

«Мерседес» снова покатился вперед. Еще один поворот – и вдруг сердце Ирины учащенно забилось. Она заметила дом из речного камня, с изогнутой красной остроконечной крышей и витыми, плавной линии балкончиками. Камни перемежались яркими вставками из мозаики и цветного кафеля. На что же отдаленно походил этот особняк... Ну да, конечно, чувствовалось влияние всемирно известного дома Мила в Барселоне.

Она была в Барселоне?

Но Вадим и не думал тормозить перед этим чудом архитектуры. Ирина же, прильнув к окну, уверенно заявила:

– Вот он, наш дом! Я права?

Она посмотрела на мужа, он повернулся к ней, и на его лице расплылась счастливая улыбка:

– Да, Ириша, ты права! Это он и есть! Я же сказал, что ты узнаешь его из тысячи! И оказался прав. Добро пожаловать домой!

Он развернулся и подкатил к причудливому строению. И вдруг Ирина вспомнила – как спорила с архитектором, который преподнес им проект типового подмосковного барского дома, как выбирала обои для их спальни, как они переезжали сюда...

Воспоминания – цветные картинки – наплывали на нее одно за другим. Она сама поразилась тому, какими отчетливыми и яркими они были. И как она могла забыть, что жила в этом сказочном доме!

Нет, не жила, а все еще живет. Да, это был ее дом, вернее, их дом, и она была так рада вернуться в него!

Вадим первым вышел из автомобиля и распахнул дверцу. Ирина ступила на дорожку, выложенную разноцветными кирпичами, и задрала голову. Вблизи особняк был еще удивительнее и красивее. Да, именно в таком доме она и должна жить – только в нем, и ни в каком больше!

Они вместе подошли к большой входной двери, Вадим воткнул в замок ключи, а потом хлопнул себя по лбу ладонью и воскликнул:

– Вот ведь растяпа! Забыл свой мобильный! Я сейчас. Но ты заходи, заходи!

Он метнулся к автомобилю, а Ирина повернула ключ и толкнула открывшуюся дверь. Она оказалась в темной прихожей. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза привыкли к полумраку.

Вадима не было, поэтому она двинулась вперед. Интересно, где здесь выключатели? Она все шарила и шарила по стене, не в состоянии найти их. Она сделала несколько шагов вперед, а потом до нее донесся шорох.

Ей сделалось страшно, ужас охватил ее. И снова мелькнуло воспоминание. Ведь так уже было, она вернулась, пыталась включить свет и... И, как и в тот раз, она знала, что находится здесь не одна. Здесь кто-то был. Кто-то, желавший причинить ей что-то плохое...

В этот момент все вокруг озарилось ярким электрическим светом. Ирина отшатнулась, тихо вскрикнув, и вдруг заметила, что холл перешел в небольшой зал, в котором находились несколько человек. Над ними висел большой транспарант с надписью: «Дорогая Ириша, добро пожаловать домой!», а зал был заполнен разноцветными надувными шарами.

Около нее стоял Вадим, который, сияя, протягивал к ней руки.

– Извини, любимая, но Дмитрий Антонович сказал, что это тебе не повредит. Мы подготовили небольшой сюрприз. Мы – это те, кто любит тебя больше всего на свете!

А затем грянула веселая музыка. Ирина, по лицу которой текли слезы, натужно улыбнулась. Вадим и ее родственники хотели сделать ей сюрприз, а она вообразила невесту что. Она ведь дома – разве стоит чего-то опасаться?

Ирина перевела взгляд на тех, кто собрался под транспарантом. Среди них была высокая статная улыбающаяся седая женщина в фартуке. Взяв ее за руку, Вадим сказал:

– Это наш ангел-хранитель, Калерия Афанасьевна. Именно она готовит нам замечательные супы и восхитительное жаркое!

Калерия Афанасьевна зарделась и подошла к Ирине. Женщина явно порывалась обнять ее, но Ирина ограничилась рукопожатием.

– Как я рада, что с вами все в порядке! – произнесла экономка и отошла в сторону.

Затем взгляд Ирины упал на женщину лет пятидесяти с небольшим, с короткими рыжими волосами и лицом с большим количеством косметики. Облачена она была во что-то яркое и обтягивающее.

– Иришенька, доченька моя! – вскричала она и бросилась к Ирине. Отделаться от объятий этой дамы было невозможно, как, впрочем, и от ее поцелуев.

– Мама? – спросила Ирина с испугом, а Вадим пояснил:

– Да, только не твоя, а моя.

– Господи, ты в клинике была всего месяц, а как исхудала! – заявила свекровь, звавшаяся Викторией Вадимовной. – Однако это тебе идет, очень даже идет! Может, мне тоже попасть в аварию и угодить на больничную койку?

Вадим кашлянул, и свекровь отступила в сторону, заявив:

– Умолкаю, умолкаю, сынок! Ты же знаешь, что у меня язык как помело. О чем думаю, о том и говорю! Конечно, не дай бог никому попасть в аварию!

Ирина увидела женщину и сразу поняла, что это ее мама. Они ведь были похожи – одинаковые овал лица, глаза, прическа. Только вот она никак не могла вспомнить, как маму зовут...

В отличие от свекрови мама была облачена в стильный черный брючный костюм. Неброско, но со вкусом.

Она подошла к Ирине, прижала ее к себе, поцеловала в лоб и произнесла:

– Ирочка, я все время только о тебе и думала. Но навещать тебя в клинике нам не разрешали. Но я ждала и надеялась!

Ирина чуть было не спросила, как маму зовут, но та истолковала ее взгляд по-своему:

– Ах, Сережи нет, он в командировке. Вернется через неделю и сразу к тебе. Но у него работа такая, ты же знаешь...

Кто такой Сережа и что у него за работа, Ирина, конечно, не знала, но на помощь пришел Вадим:

– Сергей – твой старший брат, он сейчас в Скандинавии, заключает ряд новых договоров на поставку бурового оборудования.

Ну конечно, доктор Гладышев вел речь о ее брате. Каков он, Сергей? Наверняка такой же разумный и рассудительный, как и их мама.

Вадим заговорщически посмотрел на двух женщин и произнес:

– Ну, а теперь главный сюрприз!

Откуда-то из-под груди воздушных шаров вынырнула светловолосая девчушка в поло-сатом сарафанчике. Раскинув ручки, она устремилась к Ирине, повторяя:

– Мама, мамочка! Мамочка приехала!

Ирина присела, подхватила девочку на руки и прижала ее к себе. Вот она какая, Людочка... Девочка что-то лопотала, а Ирина целовала ее, плача при этом. Да, это ее дочка, да, это ее кровиночка...

Появилась полная женщина средних лет, оказавшаяся воспитательницей Людочки. Девочка захныкала, когда Вадим оторвал ее от матери и передал на руки воспитательнице.

– Мамочка, я хочу к мамочке! – твердила девочка, и Ирина протянула к ней руки. Вадим покачал головой и заметил:

– Людочке пора спать. Ты же знаешь, как она обожает бывать с тобой, однако ей необходимо соблюдать режим дня. Не стоит ее баловать!

Воспитательница, глядя плачущую девочку по голове, увела куда-то в глубь дома. Ирина было последовала за ней, однако почувствовала, как Вадим нежно удержал ее за локоть.

– Ты ведь помнишь, что сказал Дмитрий Антонович? Тебе следует постепенно возвращаться к прежней жизни. Я прекрасно понимаю тебя, что тебе хочется проводить с Людочкой как можно больше времени, но ведь так скоро и будет!

Ирине пришлось согласиться с ним. Затем последовал легкий ужин – малая столовая была наряжена соответствующим образом. Калерия Афанасьевна удивляла все новыми восхитительными блюдами, а когда подали десерт, лимонное суфле, Вадим заботливо пододвинул тарелочку к Ирине и сказал:

– Твое любимое! Ты же его обожаешь!

Ирина попробовала – и поняла, что муж прав. Да, она обожала это лакомство! Внезапно ей показалось, что она вот-вот вспомнит что-то важное, связанное именно с суфле. Но тень воспоминания, промелькнув, исчезла так же быстро, как и появилась.

Мама, свекровь и муж вели непринужденную беседу, шутили, смеялись. Ирина смотрела на этих счастливых людей и думала, что они – ее семья. И что она раньше была ее частью, а потом по прихоти судьбы выпала из их орбиты. Но сможет ли она вернуться обратно?

Сидевший рядом с ней Вадим то и дело клал ей на руку свою ладонь, интересовался, не хочет ли она еще чего-нибудь, улыбался. Рядом с ним Ирина чувствовала себя в полной безопасности.

Наконец ужин подошел к завершению, мама подошла к Ирине, поцеловала ее и произнесла:

– Ну что же, мне пора! Завтра я приехать, увы, не смогу, но обязательно навещу вас послезавтра.

– А я вот заеду завтра! – заявила свекровь. – Мы можем прогуляться...

– Прогулки сейчас не приветствуются! – заявил весьма резко Вадим, и Виктория Вадимовна стусевалась:

– Да, сынок, конечно! Я ведь забыла! Точно, не приветствуются! Ничего, дома посидим, телевизор посмотрим...

Еще больше хмурясь, Вадим добавил:

– Мама, телевизор – далеко не самое лучшее времяпрепровождение.

Свекровь залилась краской и пробормотала:

– Ах ну да, конечно! Я ведь хотела как лучше...

Ирина заметила, что на виске мужа забилась жилка. И почему он так реагирует на невинное, в общем-то, предложение свекрови? Она была женщиной, может быть, и взбалмошной, однако явно безобидной.

– Я провожу вас! – сказал Вадим и направился с двумя дамами к выходу. Ирина осталась одна. Она поднялась из-за стола, подошла к окну и заметила, как, стоя на улице, Вадим схватил за руку свою маму и, кажется, даже больно дернул.

– Вам наверняка лучше сейчас прилечь! – услышала Ирина позади себя мягкий голос и, развернувшись, увидела Калерию Афанасьевну, сноровисто убирающую стол.

– Да, вы, думаю, правы! – заявила Ирина, все еще краем глаза наблюдая за тем, как Вадим выясняет отношения со своей матерью. Все же он слишком с ней суров. Надо бы сказать ему, решила женщина, что стоит обратиться с Викторией Вадимовной помягче.

– Хотите, я покажу вам вашу комнату? – спросила экономка. – Она находится на третьем этаже.

Ирина кивнула и двинулась вслед за ней к лестнице. Когда они оказались на втором этаже, до нее донесся приглушенный голос гувернантки:

– Ну давай же, раздевайся! Сколько раз тебе можно повторять! Скверная девчонка!

Тон у нее был далеко не самый добрый. Ирина быстро двинулась вперед, толкнула одну из дверей и оказалась в детской. Она увидела гувернантку, красную, как помидор, стоявшую около хныкающей Людочки.

– Что тут происходит? – резко, с вызовом спросила Ирина и присела перед девочкой. – Почему вы кричите на нее?

– Она – бяка! – сказала Людочка, указывая ладошкой на гувернантку. – Она не пускает меня к мамочке!

Гувернантка же, на лице которой появилась фальшивая улыбка, просюсюкала:

– Людочка, деточка, это же просто игра!

А потом, обращаясь к Ирине, заявила:

– Это мы так играем! В злую воспитательницу и капризную девочку. А на самом деле мы просто обожаем друг друга. Ведь так, скажи-ка?

Она двинулась к Людочке, но та прильнула к Ирине. Женщина сурово посмотрела на гувернантку и сказала:

– Она вас элементарно боится! И вообще, судя по тому, как вы обращаетесь с ребенком, у вас нет педагогического образования!

Гувернантка раскрыла рот, чтобы возразить, судя по сузившимся глазкам, какой-то дерзостью, но в этот момент в комнату вошла Калерия Афанасьевна.

– Что здесь происходит? – спросила она, обращаясь к гувернантке. – Вы что себе позволяете? Как вы разговариваете с Людочкой! Как вы разговариваете с Ириной Владимировной! Вы что, забыли, где находитесь?

Гувернантка тотчас сбавила обороты и рассыпалась в извинениях. Людочка же, забравшись на колени к Ирине, прошептала ей на ухо:

– Она плохая! Она забрала меня у мамочки!

– Ничего, я теперь вернулась, и все будет хорошо! – ответила Ирина, целуя девочку.

В этот момент появился Вадим. Мгновенно оценив ситуацию, он развернулся к гувернантке и произнес:

– Вы уволены!

Та дернулась, а Калерия Афанасьевна прошипела, вторя Вадиму:

– Вы что, оглохли? Вы уволены! Можете собрать свои шмотки и убраться на все четыре стороны! Ну, живо!

В ее голосе прозвучали стальные нотки, от которых Ирину бросило в дрожь. Не говоря ни слова, гувернантка выскочила из комнаты, а Вадим, подойдя к Ирине, мягко произнес:

– К сожалению, предыдущая гувернантка нас покинула, а ты как раз была в клинике. Пришлось взять эту особу. Но к нашей Людочке она больше никогда не приблизится!

– Но куда она пойдет? – спросила с сомнением Ирина. – Ведь уже стемнело...

– Ничего, у нее в Москве имеется квартира. А до столицы доберется на попутках! – сказал, как отрезал, муж. – Не волнуйся об этой особе, она этого не заслуживает. А завтра же Калерия Афанасьевна подыщет новую гувернантку для Людочки!

Людочка, только что хныкавшая, уже заснула на руках у Ирины. Глядя на нее, женщина спросила:

– А зачем вообще гувернантка? Я вполне могу справиться с ее обязанностями.

Вадим покачал головой и заметил:

– Ириша, не забывай: тебе ежедневно надо будет навещать в клинику. Не брать же Людочку с собой! А Калерия Афанасьевна не может все время сидеть с ней, потому что дел по дому и без этого много. Я же работаю, хотя и взял на ближайшие три недели отпуск.

Он приблизился к жене и бережно взял у нее дочку.

– А этой крошке необходимо хорошее воспитание. Так будет лучше для всех, в первую очередь для нее самой.

Он опустил ее в кроватку, украшенную розовым бантом, Ирина склонилась над дочерью. Вадим положил Ирине руку на талию, а потом прошептал на ухо:

– Нам пора! Ты ведь тоже наверняка устала. А о Людочке позаботится Калерия Афанасьевна.

Заметив, с какой любовью экономка смотрит на девочку, Ирина нехотя согласилась и вышла вслед за Вадимом в коридор. Он направился к лестнице, а внимание Ирины привлекла приоткрытая дверь соседней комнаты. Оттуда лился желтый призрачный свет.

Повинуясь внезапному порыву, она вошла туда – и в удивлении замерла на пороге. Комната выглядела точь-в-точь как спальня Людочки.

Внезапно она заметила в углу кроватку, точно такую же, как у Людочки, также украшенную бантом, только голубого цвета. В углу Ирина заметила игрушки – в отличие от комнаты Людочки это были не плюшевые зверюшки, а кубики и автомобильчики.

Вадим стремительно вошел вслед за Ириной в комнату и быстро произнес:

– Что ты, тут нет ничего интересного, пойдем!

Беря в руки один из игрушечных автомобилей, Ирина сказала:

– Ну почему же... Здесь очень интересно – для маленького мальчика!

Лицо Вадима побелело, и он выдал из себя:

– Да, да, конечно... Это комната для твоего племянника, сына Сергея... Его тоже зовут Сергеем... Юного Сергея Сергеевича частенько к нам привозят... Привозили, вернее... У них с Людочкой разница всего в два месяца.

Ирина улыбнулась, положила машинку на ковер и сказала:

– Наверняка это чудный мальчишка. Жаль, что я его совершенно не помню. Однако ведь его скоро привезут?

Вадим замаялся, а затем ответил:

– Нет... То есть да... Хотя точно не знаю... Дмитрий Антонович пока не рекомендовал тебе общаться с большим количеством людей...

Ирина усмехнулась:

– Ну, если меня навестит родной брат, то будет логично, что он приедет с женой и сыном. И я уверена, что Дмитрий Антонович не будет против. Ты ведь с ним об этом поговоришь?

Вадим судорожно кивнул, а потом взял Ирину за руку.

– Но лучше пойдем отсюда. Ты ведь наверняка устала...

И почему все были уверены, что она устала! Она ведь и так провела в клинике тридцать с лишним дней и не занималась там ничем иным, кроме отдыха и сна!

– И кстати, тебе не стоит так бурно реагировать на то, что говорит Виктория Вадимовна, – сказала Ирина, когда они вышли из детской.

Муж вздрогнул и повернулся к ней. В его глазах горел неподдельный ужас.

– Что она тебе сказала? – спросил он, а Ирина, немного испугавшись, ответила:

– Да нет же, она мне ничего не сказала... Просто я видела, как ты с ней беседовал на улице... Не стоит так жестко. Она ведь наверняка хочет как лучше!

Вадим расслабился и ответил:

– Ах, ты это имеешь в виду... Просто мама... Ты раньше это знала, но забыла. А сейчас еще не вспомнила... Она, гм... Она любит выпить. И хотя вроде бы завязала, время от времени все же срывается. И я не хочу, чтобы она вмешивалась в нашу жизнь. А она это обожает. Еще бы, я единственный сын и все такое...

– Но я думала, что у тебя есть сестра... – протянула Ирина и быстро добавила: – Так, во всяком случае, сказал Дмитрий Антонович...

Вадим вздохнул и пояснил:

– Да, но сводная. Дочь моего отца. Они ведь давно в разводе с мамой. Но с сестрицей я не общаюсь, как, впрочем, и с папашей. Потому что у них на уме только одно – деньги.

Ирина чуть не задала вопрос о том, что же случилось с ее собственным отцом. И почему его сегодня здесь не было. Однако она решила, что не стоит спешить. Она вспомнит, обязательно вспомнит!

Они поднялись на третий этаж, и Вадим проводил ее в большую спальню, обставленную чрезвычайно стильно и выдержанную в лазоревых и жемчужных тонах.

– Вообще-то это была спальня для гостей... – произнес он с легкой улыбкой. – Мы ведь спали в одной комнате... Но, по совету все того же Дмитрия Антоновича, нам лучше пока спать порознь...

Он сглотнул, а Ирина, подойдя к мужу, поцеловала его в губы. Сначала робко. А потом все сильнее, со все возрастающей страстью. Его руки заскользили по ее спине, Ирина вдруг почувствовала волну возбуждения, захлестнувшую ее.

Вадим с виноватым видом отстранился от нее и сказал:

– И все же нам нужно соблюдать советы доктора Гладышева...

– Вот пусть он их со своей женой и соблюдает! – воскликнула Ирина, привлекая к себе мужа. Вадим явно колебался, но потом принял решение и, потрепав женщину по щеке, произнес:

– Ириша, извини, но я не хочу, чтобы ты совершила то, о чем потом будешь жалеть. Ведь в нашем распоряжении уйма времени. И не стоит торопить события! Желаю тебе приятных сновидений!

С этими словами он вышел из спальни и прикрыл за собой дверь. Огорошенная Ирина осталась стоять посреди комнаты. Ей показалось – или муж только что дал ей от ворот поворот? Она ведь чувствовала, что он тоже был на взводе, что ему тоже хотелось заняться любовью...

Но вместо того, чтобы остаться, он вышел прочь, оставив ее одну. Чудеса, да и только! Пару минут Ирина даже была обижена на Вадима, но потом поняла: ведь он заботится о ее благополучии. Только почему им нельзя заниматься сексом, от этого что, процесс возвращения памяти затормозится?

Она прошла в огромную ванную комнату, медленно сняла платье и распустила волосы. Затем уверенными движениями, стоя перед большим зеркалом, стерла с лица косметику.

Нет, фигура у нее была отличная. И выглядела она совсем даже неплохо, несмотря на многодневное пребывание в клинике. Так что рано она сделала вывод о том, что стала непривлекательной для собственного мужа.

Она зашла в просторную душевую кабинку, повернула один из многочисленных хромированных рычажков, и на нее обрушились струи теплой воды. Закрыв глаза, она наслаждалась вечерним душем. Что может быть лучше, чем вот так стоять, позволяя воде обтекать собственное тело и уносить с собой все дневные заботы и проблемы.

Внезапно она услышала легкий стук и сквозь клубы пара увидела Вадима, появившегося в кабинке. Муж был полностью обнажен. Он был отлично сложен, что не без удовольствия отметила Ирина.

Он подошел к ней, она сделала шаг навстречу. И то, что последовало потом, было настоящей феерией, праздником чувств, животной страстью. Да, Вадим был опытным и изобретательным любовником. Но и в ней самой, как с удивлением поняла Ирина, скрывалась страстная натура.

Они позабыли о времени, а когда наконец покинули ванную, то выяснилось, что часы показывают четверть первого ночи. Вадим отнес Ирину на просторную кровать, бережно положил на белые простыни и, нависнув над ней, принялся покрывать ее тело поцелуями.

Она снова почувствовала желание, закрыла глаза, вверяя себя его ласковым рукам и губам, а потом случайно повернула голову, и ее взгляд упал на зеркальную поверхность шкафа. Она увидела отражение – два обнаженных тела любящих друг друга мужа и жены.

Но внезапно ее посетило воспоминание. Огромная кровать... Женщина на кровати, а над ней – мужчина... И она знает, что женщина – это она сама. А потом...

Она не знала, что случилось потом, но ее охватил страх. Оттолкнув Вадима, Ирина вскочила. Видение исчезло, но страх все еще заставлял ее сердце биться с невероятной скоростью.

– Ириша, все в порядке? – спросил обеспокоенно Вадим. – Я причинил тебе боль?

Она не знала, что и ответить. Нет, тот мужчина, которого она видела в мимолетном видении, не был Вадимом. Это был кто-то другой – страстный, хищный, жестокий. Но наваждение прошло, она не могла вернуться в объятия супруга.

– Я устала... – пробормотала она. – Извини... Мне было очень хорошо с тобой, очень... Но мне надо отдохнуть...

Понимающе улыбнувшись, Вадим подошел к ней, нежно поцеловал в щеку и произнес:

– И мне тоже было очень с тобой хорошо. И пусть это останется нашей маленькой тайной. Дмитрию Антоновичу вовсе не обязательно знать о случившемся. А то он и тебе, и мне плешь проест.

Он внимательно посмотрел на Ирину и спросил:

– Точно все в порядке? На тебе лица нет! Ты что-то вспомнила?

Не говорить же любящему мужу, что она только что вспомнила, как занималась неистовым сексом с неизвестным мужчиной. Нет, в этом она не признается Вадиму и под пытками!

– Отлично, просто отлично! – заверила она его и притворно зевнула. – Просто очень спать хочется...

Вадим снова поцеловал ее и заметил:

– Ну что же, в остальном будем следовать советам нашего эскулапа. То есть спать будем в разных спальнях. А завтра в три часа прием в клинике, мнемотическая гимнастика, ты ведь не забыла?

Нет, она не забыла. Но больше всего в этот момент ей хотелось остаться одной. Когда Вадим ушел, Ирина завернулась в халат и прошлась по комнате. Ее все еще сотрясала нервная дрожь.

Она что, изменяла Вадиму и забыла об этом? И у нее имелся любовник? Но почему она решила изменить этому замечательному и, главное, любящему ее человеку?

Чтобы как-то успокоиться, она заглянула в одну из смежных комнат, оказавшуюся огромной гардеробной. Там имелось большое количество одежды – нижней и верхней, а также обуви. Перебирая вещи, Ирина подумала о том, что все это принадлежит ей. Удивительно, но никакого восторга по этому поводу она не испытывала.

Вернувшись в спальню, она улеглась на кровать и закрыла глаза. Странно, но она боялась заснуть. Потому что ей казалось, что повторится сцена, которая так напугала ее.

Внезапно неприятный эпизод снова вспыхнул у нее в памяти. И она поняла, почему так испугалась: в этом воспоминании она лежала на кровати, находясь в экстазе от любовных ласк, и случайно увидела в зеркало, как мужчина, только что любивший ее, вдруг начинает ее душить.

Ирина открыла глаза, чувствуя, что задыхается. Она взглянула на часы – было без двадцати четыре. Она прошла в ванную и, замерев перед зеркалом, принялась рассматривать свою шею и ощупывать ее пальцами.

Невероятно, но факт: она нащупала еле заметное уплотнение, словно старый след от... От рук убийцы? Или она просто насочиняла невесть чего?

Похоже, что именно насочиняла. Потому что повторная попытка отыскать старый шрам успехом не увенчалась. И тут Ирина разозлилась на саму себя. У нее есть муж, самый лучший на свете, у нее есть дочка, самая прекрасная на свете, а она думает черт знает о чем! Может, у нее в голове вообще всплыл кадр из какого-нибудь триллера, увиденного много лет назад. А она приняла это за свое собственное воспоминание!

Ведь если бы кто-то пытался ее задушить, то наверняка сейчас она не находилась бы в этом особняке. А лежала бы на кладбище! Значит, все это игра воспаленного воображения, не более того!

На следующий день Ирина провела около часа с Людочкой, точнее, около нее – дочка матерью совсем не интересовалась и возилась с игрушками. Затем Калерия Афанасьевна доложила, что агентство по найму прислуги прислало список наиболее подходящих кандидатов на место новой гувернантки.

– Этим займитесь вы! – ответил Вадим, возвращая экономке список. Когда она ушла, Ирина вопросительно посмотрела на мужа:

– Но ведь нам тоже стоит знать, кто станет воспитывать дочку, ты так разве не считаешь?

Вадим поцеловал жену и ответил:

– Конечно, считаю! Однако Калерия Афанасьевна – умница каких свет еще не видывал. Окончательное решение примем мы с тобой, а она отберет трех или четырех самых достойных. Или ты хочешь вести эти нудные беседы с потенциальными кандидатками?

Затем приехала шумная и говорливая Виктория Вадимовна – как всегда, в пестром одеянии на два размера меньше, чем ей требовалось, распространяя вокруг себя удушливый запах старомодного французского парфюма.

Они вместе легко пообедали, после чего Вадим посмотрел на часы и заметил:

– Уже половина второго, а в «Мнемозине» тебе назначено на три. Думаю, лучше выехать загодя. Нам не стоит опаздывать!

Они приехали даже на двадцать минут раньше назначенного. Их встретил доктор Гладышев, такой же приветливый и доброжелательный, как всегда. Он был так рад видеть Ирину, как будто с момента их расставания прошло не двадцать четыре часа, а пара месяцев.

– Отлично выглядите! – заявил он, пожимая руку пациентки. А потом перевел взгляд на Вадима и произнес: – Как я вижу, вы заботитесь о супруге! Отрадно, очень отрадно!

Ирину провели в уже знакомое ей помещение, медсестра подала ей бокал с мутноватой жидкостью – это были витамины и аминокислоты, усиливавшие эффект от процедуры, и пациентка послушно осушила его. Затем Ирина разместилась на лежаке, который с тихим гудением въехал в огромную трубу. Зазвучала классическая музыка, на дисплее появились разноцветные цветы, и она снова провалилась в сон.

Он был непонятным и страшным. Ей все казалось, что она кого-то пыталась спасти, что кто-то звал ее, называя мамочкой, однако ничего не получалось. При этом ей стало так страшно и больно, что Ирина заплакала.

А потом проснулась. И увидела, что находится на каталке, стоящей в небольшой, уютно обставленной комнате. Женщина попыталась подняться, и к ней тотчас бросилась медсестра. Ирина взглянула на циферблат настенных часов – стрелки показывали половину шестого.

Значит, прошло совсем немного времени, а ей казалось, что она проспала целую ночь. А день все еще не закончился. Ирина мотнула головой, словно прогоняя дурные сновидения, автоматически провела по лицу рукой и почувствовала на кончиках пальцев влагу.

Она плакала во сне. И тут на нее хлынули воспоминания – обрывочные, но тем не менее яркие, похожие на фильм. Она подходит к темно-вишневому «Порше». Садится за руль. Автомобиль несется вперед. А потом раздается голос – кто-то называет ее мамочкой...

Ирина вздрогнула, увидев перед собой доктора Гладышева и Вадима. Дмитрий Антонович проверил рефлексы и удовлетворенно заметил:

– Ну что же, все в полном порядке!

А потом, присмотревшись, заявил:

– Но на вас лица нет, Ирина Владимировна! Вы вспомнили что-то новое и тревожное?

Исподлобья взглянув на доктора, Ирина краем глаза отметила, как напрягся Вадим. И вдруг она поняла: эти двое что-то утаивают от нее!

– Эта автомобильная авария... – произнесла Ирина медленно. – Мне кажется...

Она смолкла, а доктор Гладышев приободрил ее:

– Так что вам кажется, Ирина Владимировна? Расскажите, прошу вас!

Но не могла же она поведать им о страшных картинках, промелькнувших в ее голове! Нет, не могла! Потому что она и сама не была уверена, что это воспоминания, а не часть страшного сна.

– Нет, думаю, что я ошиблась, – произнесла женщина. – Ну что, поедем домой?

Она обратилась к Вадиму, который как-то странно смотрел на нее. Спohватившись, он быстро ответил:

– Да, конечно, поедем. Но ты уверена, что с тобой все в порядке, Ириша? Может, тебе следует задержаться в клинике?

Это точно не входило в ее планы. «Мнемозина» вдруг стала казаться ей чем-то зловещим, от нее, определенно, исходила угроза. Или она опять навоображала бог знает чего?

Спускаясь с каталки, Ирина заметила:

– Но почему я каждый раз, находясь в «машине воспоминаний», засыпаю? Я совершенно ничего не помню! А ведь мнемотическая гимнастика направлена как раз на то, чтобы ко мне вернулась память...

Доктор Гладышев галантно помог ей и пояснил:

– Такова естественная реакция организма, причин для волнений совершенно нет. Кроме того, во сне активизируются некоторые ареалы головного мозга, которые бездействуют, если пациент бодрствует. Да и процедура иногда длится несколько часов, и было бы крайне утомительно лежать в большой трубе, ничего не делать и пялиться на экран!

Ирина согласилась с медиком, и он проводил их до выхода. Когда они оказались в автомобиле, Вадим поцеловал Ирину и заботливо произнес:

– С тобой точно все в порядке? Мне-то ты можешь рассказать все как оно есть на самом деле. Обещаю, что Гладышеву я ничего не скажу!

Ирина поколебалась и заметила:

– Кажется, я начинаю припоминать момент автокатастрофы...

– Да что ты говоришь! – заявил непонятым тоном Вадим, отворачиваясь от нее. – И что же именно?

Автомобиль уже покинул территорию частной клиники и летел по шоссе.

– Кто-то зовет меня мамочкой... Я уверена, что это Людочка... Но ведь с ней ничего не произошло во время катастрофы, вы от меня ничего не утаиваете?

Вадим со странной, кривой ухмылкой заметил:

– Нет, Ириша, с Людочкой ничего страшного не случилось. Мы все за тебя переживали. И переживаем...

И все же в его словах Ирина почувствовала фальшь. Еле заметную, неуловимую. Он явно что-то скрывал от нее, но что именно?

У нее был молодой, красивый, богатый, безумно любящий муж, который к тому же был первоклассным любовником. Вспомнив предыдущую ночь, Ирина даже слегка покраснела. У нее очаровательная дочурка. Помимо этого, есть интеллигентная мама, несколько эксцентричная свекровь, а также прочие родственники, наверняка тоже практически без изъяна. Обитают они в поселке для миллионеров, у них имеется чудесный, уникальный дом и заботливая, всезнающая экономка Калерия Афанасьевна.

Любая женщина, оказавшаяся на ее месте, прыгала бы от счастья до потолка. Потому что разве можно было желать еще чего-нибудь? Она была счастлива – или...

Вот именно, или! Потому что она многого не помнила. Да, она знала, как ее зовут, она знала, где живет и кто является ее ближайшими родственниками. Но вот что касается всего остального...

И еще эта автомобильная катастрофа... Она никак не давала Ирине покоя. Она сама не знала, почему именно. Но Вадим явно не говорил всего. Только чего именно?

– Чем ты занимаешься, Вадим? – спросила она внезапно после долгой паузы. Странно, но от этого вопроса муж вздрогнул, как будто она спросила что-то неприличное или секретное.

– Я? – произнес он, избегая смотреть на Ирину. – Что ты имеешь в виду, Ириша?

– Откуда у нас шикарный загородный дом, несколько дорогущих автомобилей, дорогая одежда от известных модельеров? Кем ты работаешь?

– Ах, ты это имеешь в виду! – произнес Вадим, расслабляясь. Как будто она могла иметь в виду что-то иное!

Он повернулся к ней и одарил жену лучезарной мальчишеской улыбкой. Ирина ощутила, как у нее по спине побежали мурашки, и она в который раз подумала о прошедшей ночи. Нет, она все-таки несправедлива к Вадиму...

– Я работаю в крупной нефтегазовой компании, – пояснил он, – на весьма ответственном и, как ты сама видишь, хорошо оплачиваемом посту.

Он принялся рассказывать что-то о своих прямых обязанностях, но Ирина слушала вполуха. А потом, когда он сделал паузу, спросила:

– А кто я, Вадим?

В отличие от первого раза муж тотчас выпалил:

– Ты – Ирина Линецкая, моя любимая жена и мама наших очаровательных... Я хотел сказать, нашей очаровательной дочурки Людочки!

Он снова улыбнулся и подмигнул женщине. И хотя выдал он эту тираду моментально, без малейшей запинки и фальшивой интонации, Ирине что-то не понравилось. Как-то все было уж слишком складно, без сучка без задоринки... словно наизусть заучено...

– Меня интересовало другое. Чем я занималась до того, как попала в эту дурацкую автомобильную аварию? Я же работала, ведь так?

Она произнесла это наугад, а муж ответил:

– Нет, последние годы ты не работала, а посвятила все время Людочке. Кстати, это было исключительно твое решение. А до этого ты была редактором в одном крупном издательстве.

Ирина кивнула и вздохнула. Да, она не помнит ни кем она работала, ни где она училась. Однако ведь это только начало – доктор Гладышев обещал, что постепенно воспоминания вернутся к ней...

Вадим же, хотя Ирина и не просила его, стал рассказывать о том, чем она занималась. Ирина слушала его, однако в мозгу не вспыхивали картинки. Слова оставляли ее равнодушной.

Зато, когда они оказались на территории поселка, в голове у нее вдруг мелькнуло воспоминание – ребенок в красном плащике с капюшоном. Льет дождь, а она стоит на коленях и держит крошечное тельце в руках...

Воспоминание было настолько сильным и ярким, что Ирина на мгновение даже зажмурилась. А когда открыла глаза, то увидела, что они уже подъехали к своему особняку. Она перевела взгляд на соседний и заметила:

– Может быть, мы пригласим к себе соседей или сами заглянем к ним?

Глуша мотор, Вадим мягко произнес:

– Ириша, доктор Гладышев сказал, что на этом этапе тебе лучше не общаться с теми, кого ты не помнишь. Потому что сейчас это ни к чему хорошему не приведет.

– Но ведь Сергей-то сюда приедет! Хотя я его не помню!

– Сергей все же твой брат. Да и наши соседи укатили сейчас в Аргентину, а другие, кажется, на Бали. Помнишь, как мы были с тобой на Бали в первую годовщину нашей свадьбы?

Конечно, она не помнила. Ирина прошла в дом, и там их встретила Калерия Афанасьевна, доложившая, что ужин готов, а Людочка спит – за день она так набегалась и намоталась с бабушкой, что утомилась.

Возникла и Виктория Вадимовна, которая тотчас принялась вываливать на сына и невестку массу ненужной информации. Несмотря на то что еда была превосходной – суп с фрикадельками, запеченная форель, тирамису, – ела Ирина без аппетита. Вадим беспокойно спрашивал ее, хорошо ли она себя чувствует, даже щупал лоб и все рвался позвонить доктору Гладышеву, но Ирина успокоила его:

– Нет, я просто утомилась! Думаю, мне пора! Прошу меня извинить!

Она неловко поднялась из-за стола и направилась вверх, в спальню. Одно и то же видение: она на коленях, по лицу хлещет ливень, а в руках она держит ребенка в красном плащике – преследовало ее.

Через некоторое время к ней заглянул Вадим, начавший ее целовать. Но Ирина отвернулась и произнесла:

– Извини, но сегодня я плохо себя чувствую!

Типичная отговорка, но она подействовала. Вадим нежно поцеловал ее в плечо и прошептал:

– Ириша, я все понимаю. Тебе надо отдохнуть, ты ведь совсем ничего не поела, и Калерия Афанасьевна беспокоится о тебе. Я скажу, чтобы она тебе принесла чего-нибудь...

– Нет, не стоит, – сказала Ирина, думая о том, что муж у нее замечательный. И что она – истеричная и мнительная. Если бы память потеряла не она, а он, то смогла бы она заботиться о нем с такой же любовью и самоотверженностью, как это делал сейчас Вадим?

Поэтому, повернувшись к мужу, она крепко поцеловала его в губы и произнесла:

– Как же я тебе благодарна! И как же я тебя люблю!

Вадим улыбнулся и ответил:

– И я тебя тоже, Ириша! Но если ты меня любишь, то съешь и выпьешь то, что принесет тебе Калерия Афанасьевна. Ты же не хочешь, чтобы старушка обиделась!

Ирина кивнула, а потом вдруг встрепенулась – Людочка! И как она могла упустить это из виду! Как она могла забыть о ней, о родной дочери!

Но, узнав причину ее беспокойства, Вадим заметил:

– Наша непоседа уже спит, не стоит ее будить! Оставайся у себя, я скажу Калерии Афанасьевне, чтобы она приготовила тебе что-нибудь на скорую руку. Хотя ты ее знаешь – это займет не меньше получаса, ведь старушка приложит все усилия, дабы угодить тебе!

Он снова поцеловал жену и вышел из спальни. Ирина подошла к окну, за которым сгустились осенние сумерки. Она посмотрела на особняк напротив, увидела освещенную гостиную, но в ней никого не было. Странно, но разве Вадим не говорил, что их соседи уехали то ли в Аргентину, то ли на Бали?

Наверное, он имел в виду других соседей, поняла Ирина. Она стояла около окна около четверти часа, но в освещенной гостиной никто не появился. Да и в других комнатах дома не было заметно ни малейшего движения.

В дверь спальни постучали, на пороге возникла Калерия Афанасьевна с подносом в руках. Вадим не ошибся – «на скорую руку» она приготовила омлет, два сырника, шоколадный мусс, три тоста. А посередине подноса стоял бокал с молоком.

Ирина даже растерялась, рассматривая это гастрономическое великолепие. Калерия Афанасьевна, не слушая ее возражений, поставила поднос на столик и заметила:

– Ирина Владимировна, извините, что особого выбора нет, но, надеюсь, что-то из приготовленного придется вам по вкусу. Выберите, что вам больше нравится. Однако я не уйду, пока вы не выпьете теплого молока! Оно отлично успокаивает нервы и подготавливает организм ко сну!

Говорила она с улыбкой, однако было понятно, что возражений боевая экономка не потерпит. Ирина взяла бокал, сделала несколько глотков, заметила на себе осуждающий взгляд Калерии Афанасьевны и отхлебнула еще.

– Очень вкусно, – сказала она. – И большое вам спасибо! А теперь больше не буду задерживать вас!

Пожелав ей спокойной ночи, экономка удалилась. Ирина снова отпила молока и принялась за омлет, вдруг ощутив голод. Через пять минут тарелка была пуста, как, впрочем, и бокал. Ирина почувствовала, что ее клонит ко сну.

Она быстро приняла душ, а когда вернулась в комнату, грязная посуда уже исчезла: позаботилась Калерия Афанасьевна. Ирина нырнула под легкое одеяло и закрыла глаза. И тут в мозгу снова возникла ужасная картинка – она под дождем с детским тельцем на руках...

Она хотела открыть глаза, чтобы стряхнуть этот кошмар, но не смогла, потому что провалилась в сон. Но это был странный сон – Ирина оказалась в водовороте воспоминаний. Да, она знала, что это когда-то произошло и что она забыла это. Но теперь эпизоды снова возвращались, не давая ей покоя.

Она видела, как прижимает к себе тельце в красном плащике. Задирает голову к небу, с которого с шелестом падает ливень. А потом сбрасывает с лица ребенка капюшончик.

Перед ней возникло лицо дочери – Людочки.

В этот момент Ирина проснулась, с бьющимся сердцем, вся в поту, с привкусом железа во рту. Женщина отбросила одеяло и опустила ноги на ворсистый ковер. Она взглянула на часы – они показывали несколько минут второго ночи.

Ирина зажгла ночник и прошлась по спальне. На душе у нее было беспокойно, кошмар не оставлял ее. Поэтому она приняла решение – будить Вадима она не станет. Но ее так и тянуло проверить, что с Людочкой все в порядке.

Поэтому она спустилась с третьего этажа на второй и прошла в спальню к дочери. Она лежала в своей кровати, раскинувшись во сне, посапывая. Но, естественно, живая и невредимая.

Ирина склонилась над ней, поцеловала дочку в лобик и пригладила льняные локоны. А затем подошла к шкафу, распахнула дверцы и стала просматривать одежду дочки.

Она искала плащик с красным капюшоном, но такового там не оказалось. Ирина почувствовала невероятное облегчение и даже тихонько рассмеялась. Потом она обернулась, подобрала несколько валявшихся на полу игрушек и, чувствуя, что ее снова клонит в сон, направилась в коридор.

Все же глупо руководствоваться идиотскими снами. Ей даже сделалось стыдно. Глупо или...

Ее взгляд упал на дверь противоположной комнаты. Той самой, где размещался ее малолетний племянник, когда приезжал к ним в гости. И она снова зашла туда.

Она еще в первый раз заметила, что помещение обставлено так же, как и комната Людочки. Только вот почему? Неужели они старались для племянника, сына ее старшего брата Сергея? Похвально, конечно, но как-то... Как-то даже жутко от этого!

Ирина внимательно осмотрела детскую кровать, дотронулась ногой до игрушечных автомобильчиков, лежавших на ковре. А потом развернулась и пошла прочь. Но на пороге она остановилась и уставилась на встроенный в стену шкаф, точно такой же, как в комнате Людочки.

Женщина некоторое время колебалась, потом подошла к нему и дернула за дверцы. Они с еле слышным скрипом распахнулись – и Ирина поразилась тому, что в шкафу ничего не было. Он был абсолютно пуст.

Хотя нет, она увидела что-то на вешалке в темном углу. Саму комнату освещал рассеянный свет детского ночника, которого было явно недостаточно для того, чтобы понять, что же висит на металлической перекладине.

Ирина заметила сбоку кнопку – это был выключатель лампы, встроенной в шкаф, ведь он был весьма объемным и походил на небольшую комнату. Дрожащими пальцами Ирина нажала на кнопку, и желтый призрачный свет осветил внутренности шкафа.

Женщина вздрогнула и заслонила лицо руками, но не из-за перепада между полумраком и ярким светом, а потрясенная тем, что увидела на вешалке.

Это был красный детский плащик со смешным капюшончиком – точно такой, какой она видела во сне. Точнее, тот самый, который вернулся к ней с другими воспоминаниями.

Словно не веря тому, что он вполне материален, Ирина дотронулась до плаща. Но он не пропал, не растаял в воздухе, не превратился в свитер или рубашку. Да, это был он, красный плащик!

Ирина вынула его и принялась осматривать. Искусственная ткань шелестела под ее пальцами. Ирина разглядела темные капли на красной поверхности, похожие на засохшую грязь. А на внутренней поверхности расплылось большое пятно.

И Ирина могла поклясться, что это была кровь!

Внезапно до нее донеслись шаги, Ирина быстро повесила плащик в шкаф и затворила дверцы. А затем быстро подошла к двери, которая распахнулась, и она увидела экономку Калерию Афанасьевну.

Женщина на ночь не уезжала к себе, а оставалась в особняке. Как объяснил Ирине Вадим, он попросил Калерию Афанасьевну в ближайшие месяцы пожить у них, и женщина, не имевшая семьи, согласилась. Обитала она в отдельных апартаментах.

Экономка была облачена в темный халат, а на голове у нее был старомодный чепец. Для пущей схожести с персонажем из старинного готического романа ей не хватало в руке свечи или керосиновой лампы на металлической дужке.

– Ирина Владимировна, милочка, вы что тут разгуливаете посреди ночи? – спросила экономка, всплеснув руками. Никакой свечи или лампы у нее не было, зато имелся мобильный телефон. Но экономка быстро сунула его в карман халата. И зачем он ей в начале второго ночи? Звонить мужу или детям она не могла – ведь у Калерии Афанасьевны оных просто не было. Не намеревалась же она покалякать с лучшей подругой в самый глухой час ночи!

Поймав взгляд Ирины, Калерия Афанасьевна пояснила:

– Не люблю я наручные часы! Сколько в моей жизни их ни было, все я теряла или с ними что-то происходило. А вот с мобильным сплошная благодать – его можно и как часы использовать! Цифры большие, яркие, в темноте подсветка!

И широко улыбнулась. При этом сверкнули ее большие крепкие белые зубы. И тут Ирина вдруг поняла, на кого походила эта крепкая тетка, вовсе не являвшаяся старушкой, хотя именно так ее позиционировал Вадим.

Она походила на ведьму из сказки братьев Гримм. Вроде бы дверь пряничного домика откроет милая опрятная седовласая дама, а потом раз – и в печку тебя запихнет, чтобы жаркое приготовить и им на ужин полакомиться.

Да, на ведьму. Или, еще того хуже, на волка из «Красной Шапочки», который слопал бабушку, а сам нарядился в ее халат и чепец и улегся в кровать, поджидая несчастную девочку. Так и есть – «Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие зубы? Чтобы съест тебя, моя дорогая!».

Строчки из детской сказки всплыли в памяти Ирины неожиданно, и она нервно рассмееялась. Калерия Афанасьевна, ослабившись и снова демонстрируя отличные крупные зубы, встревоженно спросила:

– Ирина Владимировна, все в порядке? Могу ли я вам помочь?

– Скажите, а почему...

Она на полном серьезе чуть не произнесла: «Почему у вас такие большие зубы?» Интересно, что бы на это ответила экономка? Неужели бы, прорычав: «Чтобы съесть тебя, душечка!» – кинулась на нее, обращаясь на глазах в волка?

Оборотень... Какая-то мысль мелькнула в голове у Ирины. Оборотни... То, что принимает другие формы и выдает себя за животное или человека...

Пауза затягивалась, поэтому Ирина быстро завершила свою фразу:

– ...почему вы здесь оказались в это время?

Фраза вышла несколько странной – как будто молодая хозяйка, подозревая пожилую экономку в чем-то неблаговидном, устраивала ей допрос.

Поджав губы, Калерия Афанасьевна заметила:

– Я всегда по ночам, с тех пор, как живу в особняке, встаю и заглядываю в спальню к Людочке. Потому что малышка иногда плачет. Вот я и проверяю, все ли в порядке и не надо ли ее укачать или колыбельную спеть! И сейчас просто заметила движение в соседней спальне и решила заглянуть, чтобы удостовериться, все ли в порядке!

Смутившись, Ирина быстро сказала:

– Какая вы молодец!

Калерия Афанасьевна уставилась на нее, словно ожидая объяснений и от хозяйки, но не решаясь задать бестактный вопрос: «А вот что делали вы здесь, Ирина Владимировна?»

– Я... Я тоже... Заметила какое-то движение и решила проверить, все ли нормально, – произнесла она первое, что пришло ей в голову.

Калерия Афанасьевна не на шутку переполошилась, заявив, что если они обе видели что-то подозрительное, то надо хорошенько обыскать комнату и немедленно разбудить Вадима Алексеевича.

Ирине насилу удалось успокоить неумную экономку, заявив, что их поселок отлично охраняют и что к ним в особняк точно не проник ни вор, ни маньяк-потрошитель. Ирине хотелось побыстрее избавиться от общества назойливой особы, потому что женщина заметила: она забыла выключить свет в стенном шкафу. И сквозь неплотно прикрытую дверцу на ковер падала полоска желтого света.

Ирина понимала, что является полновластной хозяйкой в особняке, что может в любое время дня и ночи заходить в любую комнату и делать все, что ей взбредет в голову, отчитываться перед экономкой ей не требовалось. И уж точно – не спрашивать ее разрешения. Но отчего-то Ирина была в ужасе от мысли, что Калерия Афанасьевна узнает, что она заглянула в шкаф и обнаружила там красный плащик с капюшончиком.

Поэтому ей так не хотелось, чтобы экономка заметила свет в стенном шкафу, ведь тогда останется сложить два и два и понять, что Ирина открывала его. Чуть ли не насильно выведя экономку в коридор, Ирина заявила:

– Я повторяю: все в полном порядке! И звонить охранникам не надо. С нами все хорошо и с Людочкой тоже!

Они вместе зашли в комнату к девочке и убедились, что она мирно спит. С умилением глядя на Людочку, Калерия Афанасьевна поправила одеяльце, а Ирина вдруг спросила ее:

– А куда делся красный плащик?

– Какой красный плащик? – закудаhtала Калерия Афанасьевна, по лицу которой было понятно, что она прекрасно понимает, о чем идет речь.

– О красном плащике с капюшончиком, – объяснила Ирина. – Такой ведь был у Людочки, не так ли?

Но экономка уже взяла себя в руки и заявила:

– Ирина Владимировна, вы что-то путаете! Не было у Людочки никогда красного плащика с капюшончиком. Да и сами посудите – зачем он ей? Это больше на мальчишескую одежду похоже...

Она замолчала, словно прикусила язык. И в доказательство своей правоты распахнула дверцу стенового шкафа и стала тыкать в вещи девочки, шепча, что вот, никакого красного плащика среди них нет и в помине.

Ирина же, чувствуя, что ей снова хочется спать, завершила разговор, сказав, что им обоим пора отправляться к себе. Калерия Афанасьевна, прекрасно понявшая, что это не просьба, а приказ хозяйки, засеменила к выходу.

На пороге, желая Ирине доброй ночи, она еще раз повторила, выказывая крупные белые зубы:

– Ирина Владимировна, никакого красного плащика нет и не было! Мне не хочется это говорить, но вы явно что-то напутали!

Ирину так и подмывало пройти вместе с ней в соседнюю комнату, открыть шкаф и продемонстрировать этой особе красный плащик с капюшончиком. Что бы она на это сказала? Но Ирина знала: и тогда бы экономка вывернулась и наплела с три короба.

Нет, она не должна знать, что Ирина в курсе. Только в курсе чего? Того, что эта особа отрицает факт наличия детского плащика? Велико преступление! Вадим будет долго смеяться, если она ему расскажет об этом!

Поэтому Ирина решила ничего мужу не говорить. Но она поняла: доверять экономке нельзя. Но и вступать в открытую конфронтацию с Калерией Афанасьевной неразумно. Значит, она будет действовать исподтишка.

Ирина отправилась спать, и до утра ей больше ничего не снилось. Потом приехала мама, а вслед за ней – и Виктория Вадимовна. Дамы увели за собой Людочку, и это несмотря на то, что Ирине так хотелось повозиться с дочерью. Но не могла же она запретить бабушкам общаться с внучкой!

Затем, воспользовавшись тем, что Вадим отправился в кабинет, дабы просмотреть важные бумаги и сделать несколько телефонных звонков, Ирина быстро поднялась на второй этаж и проникла в комнату своего племянника.

Руки у нее дрожали, когда она распахнула стеновой шкаф. Но на этот раз в нем ничего не было – никакого плащика, одиноко висевшего на перекладине. Не веря своим глазам, Ирина долго шарила по шкафу, но он был абсолютно пуст.

Неужели ей все привиделось? Но нет, она держала плащик в руках! Он был реальный, он был осязаемый! Значит...

Ведь свет в стеновом шкафу не горел. Лампочка перегорела? Ирина нажала кнопку, и свет немедленно вспыхнул. Нет, дело в том, что кто-то выключил его. А заодно прихватил и красный детский плащик с капюшончиком.

Кто... Ирина не сомневалась, что знает, кто это сделал: Калерия Афанасьевна! Женщина почувствовала небывалую злость. Что эта особа позволяет себе! Ирина вылетела из комнаты, ступила на лестницу и заметила поднимающуюся ей навстречу экономку.

При виде ее массивной фигуры и плетеной корзины с чистым бельем в руках у Ирины перехватило дух. С такой просто не справишься, чтобы побороть экономку, потребовалось бы двое здоровых молодых мужчин! Такая ни за что не скажет правду, даже если ее припереть к стенке не в переносном, а в буквальном смысле!

– Я хотела бы знать... – начала Ирина, и тут ее взгляд упал на корзину с бельем, в которой она заметила моток бечевки и большие ножницы, сверкающие концы которых торчали вверх.

Экономка улыбнулась и уставилась на молодую хозяйку. Ирина поняла, что весь задор прошел.

– Вы убирались в комнате... В той, где останавливается мой племянник? Там грязно!

Калерия Афанасьевна произнесла:

– Прошу меня извинить, Ирина Владимировна! Я планировала убраться там завтра, но сейчас же отложу все дела и возьмусь за пылесос!

Тон у нее был самый что ни на есть елейный, и это явно свидетельствовало о том, что экономка обиделась.

– Я хотела сказать, что этого делать не надо, – сказала Ирина.

– Не надо? – подозрительно переспросила Калерия Афанасьевна. – Но как же так? Вы же сами сказали, что там грязно! Я немедленно проведу там влажную уборку!

Она надвигалась на Ирину, которая всерьез испугалась, что экономка нападет на нее. Но та, конечно же, и не думала кидаться на молодую хозяйку. И тут Ирина решилась.

– Красный плащик с капюшончиком, о котором мы говорили ночью... Он висел в комнате моего племянника! Я сама его видела! А сейчас его там нет. Я хочу знать, куда он делся! Вы его взяли? Верните!

Экономка открыла рот, сверкнули ее большие белые зубы, но еще до того, как она что-то сказала, снизу донесся истошный крик. Ирина замерла, а потом бросилась по лестнице на первый этаж.

Она заметила в зале Викторию Вадимовну, склонившуюся над ревушей Людочкой. Размазывая по щекам слезы, девочка твердила:

– Отпусти! Больно! Я к мамочке хочу! К мамочке!

Около них хлопотала мама Ирины, но и она, казалось, не знала, что надо делать. Как выяснилось, Людочка упала на пол и закричала от боли. Ирина подошла к дочке, стала гладить ее по голове, утешая, что все пройдет и до свадьбы заживет. Она дула на покрасневшую коленку, потом прижала к себе девочку, которая все твердила:

– Отпусти! Я к мамочке хочу! К мамочке!

– Я и есть твоя мамочка, – сказала, целуя ее, Ирина. Девочка вывернулась, ручонками отпихнула ее и со слезами заявила:

– Ты – бяка! И не моя мамочка!

Людочка снова принялась плакать, но тут на нее надвинулась грозная фигура экономки. Она склонилась над девочкой и по-змеиному прошипела:

– Замолчи немедленно, маленькая проказница! Иначе будет плохо!

И, что удивительно, Людочка немедленно замолчала, в ужасе уставившись на Калерию Афанасьевну. А затем экономка взяла девочку за руку и сказала:

– Пойдем со мной, нечего докучать взрослым! Мы сейчас с тобой поиграем!

Это звучало так, как будто ведьма сказала девочке, оказавшейся в ее пряничном домике: «А сейчас я тебя съем!»

Ирина тотчас вмешалась, заявив, что не хочет, чтобы Людочка уходила. Она же, опустив голову, молчала. Было видно, что девочка чего-то боится. Вернее, кого-то. И Ирина знала, кого именно – Калерию Афанасьевну.

Обе бабки – Виктория Вадимовна и мама – принялись увещевать Ирину, уверяя ее, что девчонка переутомилась, играя, и что ей необходим отдых.

– Но ведь вы тоже собрались поиграть с ней! Так почему нельзя сделать это здесь! Или всем вместе, – заявила упрямо Ирина, обращаясь к Калерии Афанасьевне, все еще державшей за руку Людочку.

Экономка, обнажив зубы, больше походившие на клыки, заявила:

– Ирина Владимировна, вам же врачи запретили переутомляться. Да и скоро надо ехать в клинику на процедуры. А Людочка поиграет сейчас со мной. Ведь так?

Она усталилась на девочку, чью крошечную ладошку держала в своей огромной лапе. Не смотря на экономку, Людочка кивнула.

– Вот видите, она сама этого хочет! Людочка обожает играть со мной! Ведь так?

И снова девочка апатично кивнула. Она походила на марионетку, которой управлял опытный кукловод – Калерия Афанасьевна.

– Тогда пойдем наверх – играть, – заявила экономка и пошла, таща за собой ребенка.

– Во что вы будете с ней играть? – крикнула Ирина, и Калерия Афанасьевна, не оборачиваясь, ответила:

– В Красную Шапочку!

Ирина не сомневалась, что это был прямой вызов. Но обе бабки ничего, естественно, не заметили и подтекста не поняли. Охая и ахая, они умилялись тому, как чудно Калерия Афанасьевна заботится о малышке и как та к ней привязана. Когда же Ирина возразила, заявив, что экономка обращается с девочкой как с игрушкой, они запричитали:

– Если бы ты знала, как Людочка к ней привязалась за то время, что ты находилась в клинике! Она в Калерии Афанасьевне души не чает! Она ведь такой прекрасный человек! У нее степень кандидата педагогических наук! И готовит она так восхитительно!

Ирина едва сдержалась, чтобы не заявить, что ее дочь – не пучок редиски. И что с ней нельзя управляться так же резво, как с продуктами на кухне. Ее так и подмывало подняться наверх и заглянуть в детскую. Но обе говорливые бабушки никак не хотели ее отпускать.

Наконец Ирина просто поднялась и сказала, что сейчас вернется. Но вместо того, чтобы отправиться в туалет, она быстро взбежала по лестнице и влетела в комнату дочери. Она была готова увидеть все, что угодно, вплоть до того, что экономка превратилась в большого серого волка и пытается проглотить ее крошку.

Но никаких ужасов она там не застала. Калерия Афанасьевна захлопнула толстенный фолиант с надписью «Сказки народов мира» и взглянула на вошедшую хозяйку. Людочка лежала в кровати и спала.

– Накричалась, наплакалась и быстро уснула, – заявила экономка с дьявольским блеском в глазах. – Не извольте беспокоиться!

Но Ирина беспокоилась, да еще как! Она дотронулась до лба дочки, потом пощупала ее ножки и ручки. Но температура была нормальная, и девочка выглядела здоровой.

– Вы с ней играли? – спросила она экономку, и та ответила:

– Немного. Но девочка до такой степени утомилась, что быстро забралась в кровать. Я ей прочитала вслух всего одну коротенькую сказку, и то не до конца. И Людочка заснула!

Ирина снова пощупала лоб дочери и молча посмотрела на экономку. Нет, ее нельзя было ни в чем упрекнуть, и все же... И все же Ирине было не по себе.

Появился Вадим, поцеловавший жену и сказавший, что им пора собираться в клинику на мнемотическую гимнастику. Ирина поняла, что момент упущен. Она повернулась к двери, а потом посмотрела на экономку и спросила:

– А какую сказку вы ей читали?

Калерия Афанасьевна ослабилась, и на мгновение сверкнули ее большие белые зубы:

– Ту, что Людочка обожает больше всего. И визжит от ужаса, когда наступает ключевой момент. «Ганс и Гретель» братьев Гримм!

Да, перед Ириной стояла она – сказочная ведьма из пряничного домика с оконцами из леденцов!

По пути в клинику Ирина по большей части молчала, зато говорил Вадим. Наконец она все же решилась и произнесла:

– Не кажется ли тебе, что Калерия Афанасьевна...

Она смолкла, а муж посмотрел на нее и приободряюще улыбнулся:

– Да, да, Ириша, что именно ты хочешь сказать?

Она собралась с духом и произнесла:

– Не кажется ли тебе, что она как-то странно относится к Людочке? У меня создается впечатление, что она слишком строга к нашей дочке!

Вадим рассмеялся и заметил:

– О, Людочка обожает старушку! Она просто ждет не дождется, когда же та будет читать ей сказки или играть в прятки. А что конкретно ты имеешь в виду?

Ирина поняла, что муж ничего не замечает. И что он, вероятно, сам того не подозревая, находится под влиянием экономки. Следовательно, что бы она ни говорила, он к ней не прислушается, а сочтет все фантазиями.

Поэтому Ирина свела разговор к какому-то пустяку, а потом показались ворота «Мнемосины». На этот раз после пробуждения Ирина вдруг вспомнила, что у них имелся семейный фотоальбом, в который она сама и Вадим прилежно вклеивали фотографии, иллюстрирующие наиболее важные этапы их жизни.

По дороге домой она спросила об альбоме у Вадима, и он пожал плечами:

– Ах, где-то был, но затерялся. Зачем он тебе?

– Но ведь всегда легче вспомнить, если увидишь картинку или фотографию! – возразила Ирина. Однако в тему она углубляться не стала, так как поняла, что Вадим не расположен говорить об этом.

А ночью ей привиделся сон, вернее, очередной отрывок воспоминаний, вернувшихся к ней. Она вспомнила, как праздновали день рождения Людочки. Однако, что странно, на столе стояли два торта, на которых горели по три свечи. Ирина видела смеющуюся дочку, потом поворачивалась направо, зная, что там находится кто-то еще, потом эта сцена сменялась другой – она стояла на коленях в грязи под проливным дождем и держала в руках тельце в красном плащике с капюшончиком.

Она снова пробудилась посреди ночи. Ирина выскользнула из спальни и сначала наведлась к Людочке. Она глубоко спала, мерно посапывая. Поцеловав ее в лобик, женщина осторожно, стараясь не издавать много шума, спустилась на первый этаж.

Именно там, как она знала, располагались кабинет Вадима, а также библиотека. Она зашла сначала в кабинет и, прикрыв тяжелую дверь, включила свет. Она знала, что ей надо искать – большого формата альбом, переплетенный в малиновый бархат, с золотым тиснением по краям.

Только вот где они обычно хранили его? Этого она никак не могла вспомнить, поэтому открыла ящики письменного стола, но, не обнаружив там ничего интересного, переключила внимание на книжные полки.

Внезапно ее как током ударило – она заметила искомый фолиант на одной из полок, запрятанный среди прочих книг. Ирина схватила альбом и с бьющимся сердцем опустилась в кресло.

Она увидела свадебные фотографии – себя рядом с Вадимом. Потом снимки их медового месяца. Наконец она нашла изображения себя самой – с большим животом, явно беременной. Под каждой фотографией имелась надпись – имена тех, кто был изображен, и дата.

Ирина перевернула страницу и увидела снимки новорожденной Людочки. Ирина перевела взгляд на соседнюю страницу и заметила, что на ней отсутствует ряд фотографий. А таблички, поясняющие, кто изображен на снимках, были аккуратно отодраны.

Ирина лихорадочно перелистала оставшиеся страницы. Половины фотографий не было! Кто-то методично удалил их! Но с какой целью?

Она перевернула последнюю страницу и вдруг заметила бумажный прямоугольник, затесавшийся между листами папиросной бумаги, которыми перемежались страницы из плотного картона.

Так и есть, тот, кто удалял бумажки с надписями, был не очень внимателен, и одна из них осталась внутри альбома. Ирина взяла в руки табличку и прочитала: «День рождения Людочки и Алешки».

Алеша? Но кто такой Алеша? В голове зашевелились какие-то воспоминания, а Ирина вдруг с ужасом поняла: тот, кого она держала на руках, тот, кто был облачен в красный плащик с капюшончиком, был тем самым Алешей!

Она не могла сказать, откуда знала это. И почему была в этом уверена. Знала – и все тут. Это имя просто всплыло из глубин ее памяти.

Чувствуя, что ее бьет нервная дрожь, Ирина отложила альбом в сторону и задумалась. Похоже, мнемотическая гимнастика начинает приносить плоды. Воспоминания возвращаются к ней – только вот что за воспоминания? Внезапно сердце у нее заныло, на душе сделалось гадко. Какое отношение она имела к этому мальчику? Неужели...

Неужели она на дороге сбила не собаку, как упорно утверждали Вадим, доктор Гладышев и все остальные, а ребенка? И он погиб по ее вине?

Ирина окаменела, чувствуя, что в висках у нее стучит кровь. В голове все смешалось, и, чтобы успокоиться, она закрыла глаза. Но вдруг увидела удивительные образы, обрывки воспоминаний, которые, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе, чудесным образом складывались в непонятные картинки.

Ирина распахнула глаза, потому что ей показалось, что она услышала шаги. Подскочив к стене, она быстро выключила свет, и в этот момент дверь кабинета приоткрылась. Ирина, стоявшая около шкафа, похолодела: альбом остался там, где она его смотрела: на широком подлокотнике кресла.

Она не сомневалась, что в ночной дозор отправилась Калерия Афанасьевна. И Ирине очень не хотелось, чтобы экономка застучала ее, ведь тогда не объяснишь ни ей, ни Вадиму, почему она пряталась от сказочной ведьмы.

А Ирина знала – она боялась Калерию. И не хотела, чтобы экономка поняла, что она отыскала фотоальбом. Потому что – в этом Ирина ничуть не сомневалась – альбом потом исчезнет. Так же, как исчез и красный плащик.

Тот, кто стоял на пороге, помялся, а потом потянул дверь на себя, и она закрылась. Ирина осталась в темноте. Женщина перевела дух и прислушалась. Экономка удалилась. Тогда Ирина, не включая свет, подошла к креслу, взяла фотоальбом и засунула его в крайний шкаф, за книги. Ирина услышала глухой звук – альбом плюхнулся на полку.

Брать его с собой в спальню было опасно, потому что Калерия Афанасьевна, и Ирина в этом не сомневалась, обыскивает ее комнату. А если наткнется на альбом, то наверняка заберет его.

А альбом был уликой. И ниточкой, ведущей в ее собственное прошлое. То, о котором Ирина, несмотря на несомненные успехи мнемотической гимнастики, не имела почти никакого представления.

Выждав около десяти минут, она осторожно открыла дверь и выскользнула в коридор. А потом быстро подошла к лестнице, взялась за перила и услышала позади себя знакомый голос:

– Ирина Владимировна, могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Ирина, едва не подпрыгнув от ужаса, обернулась и увидела массивную фигуру экономки. Склонив увенчанную чепцом голову, она со странной улыбкой взирала на хозяйку.

– Нет, благодарю! Я просто ходила в кухню, чтобы взять себе сока, – произнесла скороговоркой Ирина, на что экономка парировала:

– Но я была только что в кухне и вас там не видела!

«Она уличила меня во лжи», – поняла Ирина, но не собиралась сдаваться.

– Я неверно выразилась – я хотела отправиться туда, чтобы налить себе сока, однако потом передумала. Я почувствовала себя плохо и присела на пол...

Экономка тотчас засуетилась, желая знать, не требуется ли Ирине помощь. Та заверила ее в том, что все в полном порядке.

– Вы можете рассчитывать на мою помощь в любое время дня и ночи, – заявила Калерия Афанасьевна. – Стоит вам поднять трубку телефона, который стоит в спальне, и набрать ноль, как у меня в комнате раздастся звонок. И вам не надо самой куда-то ходить по ночам!

Ирина подумала, что Калерия лично предпочитает шастать по особняку ночью. Поэтому ей не оставалось ничего иного, как позволить проводить себя до спальни, а затем согласиться с тем, чтобы экономка принесла ей бокал апельсинового сока. Пришлось даже выпить треть содержимого, потому что настырная особа стояла рядом и все спрашивала, не требуется ли Ирине еще что-нибудь.

Отделавшись от Калерии Афанасьевны, Ирина забралась в постель и стала размышлять. Однако ни до чего путного она не додумалась, ее сморил сон. А когда она открыла глаза, то поняла, что уже давно настало утро.

Последовал завтрак, во время которого Вадим, уже проинформированный Калерией, заботливо осведомился, все ли с его любимой женой в порядке. Ирина заверила, что она ни на что не жалуется, а потом, пользуясь тем, что пожаловала Виктория Вадимовна, покинула столовую и прошмыгнула в кабинет.

Подойдя к крайнему шкафу, Ирина запустила в него руку и попыталась нащупать фотоальбом за рядом книг. Но ее пальцы ударились о полированную поверхность полки! Ирина быстро вынула несколько книг и убедилась в том, что никакого альбома там и в помине нет.

Ирина быстро осмотрела другие полки, но альбома так и не обнаружила. Она прошерстила и два других шкафа, но искомый фолиант в переплете из малинового бархата исчез.

А ведь она была уверена, что альбом именно там. Ночью она спрятала его туда, а утром альбома уже не было. Но как такое могло произойти? Или она забыла, куда именно положила вещь? У нее что, рецидив болезни?

Ответ был один – альбом кто-то изъял. Так же, как изъял до этого красный плащик с капюшончиком. И этим кем-то мог быть только один человек...

– Вы хотите что-то почитать? – донесся до нее голос экономки, выведший Ирину из транса. Она развернулась, держа в руках несколько книг, и уставилась на особу, стоявшую на пороге кабинета.

– Да, хочу! – ответила Ирина. – Однако не изволите беспокоиться, я сама найду подходящий роман! Или вы хотите мне что-то посоветовать?

Экономка дернула головой, а потом, извинившись, исчезла. Ирина поставила книги на полку и задумалась. Теперь эта особа точно знает, что Ирина искала альбом. И что в его исчезновении она подозревает именно Калерию Афанасьевну.

Ирина вернулась в гостиную, где обе бабушки и отец возились с Людочкой. Девочка была в отличном настроении и визжала от восторга, когда Вадим подбрасывал ее к потолку, а затем ловил и ставил на пол.

Рассеянно наблюдая за происходящим, Ирина думала о том, где экономка могла спрятать альбом и красный плащик. Может, она их уничтожила или выбросила? Нет, в это Ирина не верила – наверняка эти предметы играют какую-то роль во всей этой странной истории, и Калерия не решилась бы избавиться от них.

Особняк был большой, в нем было полно укромных уголков. Но Ирина не сомневалась в том, что для экономки важно держать украденные вещи под рукой. А это значит, что она наверняка хранила их у себя в апартаментах.

Но просто так в них не проникнешь. Ведь эта пронырливая особа обладала невероятной способностью появляться в ненужное время в ненужном месте. Как будто у нее в каждой из многочисленных комнат особняка было по паре глаз и ушей!

План созрел за считанные секунды. Ирина подошла к смеявшейся Людочке и, присев на колени около нее, спросила:

– Ты ведь хочешь, чтобы Калерия Афанасьевна почитала тебе сказку?

Людочка, трясая головой, ответила:

– Мамочка пусть почитает! А ее я не хочу, она плохая!

У Ирины сердце кровью обливалось, она понимала, что поступала ужасно, однако ей требовалось быть уверенной в том, что Калерия находится в конкретном месте и не заявится к себе в апартаменты тогда, когда Ирина будет проводить там импровизированный обыск.

– Я тебе потом почитаю. Обязательно, – сказала Ирина, целуя дочку, а та капризно заметила:

– Не ты, а мамочка! Моя мамочка!

Ирина же тем временем вызвала Калерию Афанасьевну, которая находилась в кухне и занималась приготовлением обеда. С очаровательной улыбкой Ирина сообщила ей, что Людочка хочет, чтобы экономка прочитала ей три сказки.

Калерия Афанасьевна возражать не могла, поэтому отправилась сначала за томом со сказками, а потом грузно опустилась на диван. Две бабушки вместе с Людочкой пристроились рядом. Вадим вышел, потому что ему требовалось решить несколько вопросов по работе: несмотря на отпуск, он постоянно был в курсе последних событий и важных решений.

Экономка, как отметила Ирина, сняла передник и оставила его в кухне. А именно в его кармане она носила свой любимый мобильный телефон, а также ключи от своих апартаментов. Их, как знала Ирина из подслушанной болтовни бабушек, Калерия всегда запирала.

Поэтому Ирина устремилась на кухню, где обнаружила широченный передник – он висел на стуле. Она запустила в карман руку и нащупала связку ключей. Мобильного там не было, видимо, сказочная ведьма прихватила его с собой, ключи взять не сочла нужным.

Женщина возвратилась в гостиную и убедилась в том, что Людочка с открытым ртом слушает сказку, которую своим раскатистым голосом читала экономка. Ирина же, пользуясь тем, что никто на нее не обращает внимания, вышла из гостиной и устремилась в крыло особняка, где располагались апартаменты Калерии Афанасьевны. Она несколько казавшихся бесконечными минут петляла по комнатам и коридорам, пока наконец не вышла к деревянной двери с золоченой ручкой.

Ирина попыталась вставить один из ключей в замочную скважину, и он подошел. Она открыла дверь и прошла в логово экономки.

В распоряжение Калерии были предоставлены четырехкомнатные апартаменты с огромной ванной и небольшой сауной. Ирина усмехнулась – вот, оказывается, отчего она с такой охотой поселилась в особняке!

В апартаментах царил идеальный порядок, от которого по коже бежали мурашки. Ирина осторожно приоткрыла дверцу одного из шкафов и увидела ряд черных платьев, которые вечно носила экономка.

Где она могла прятать украденные предметы? Ирина прошла в спальню, а оттуда в кухню. И увидела то, что искала. На кухонном столе лежал аккуратно свернутый красный плащ с капюшончиком, а подле него – фотоальбом.

Ирина взяла их в руки, решив было прихватить вещи. Но потом решила, что делать этого не стоит, потому что тогда экономка точно поймет, что в ее апартаментах кто-то побывал. И ей не составит ни малейшего труда смекнуть, кто именно наведалься туда.

Ирина положила вещи обратно на стол, а потом покинула жилище экономки. Она вернулась в гостиную и в ужасе поняла, что Калерии Афанасьевны там уже нет. Ирина ринулась в кухню и заметила, как экономка повязывает себе на живот фартук, в котором не было ключей.

Тогда Ирина, громко вскрикнув, указала на связку ключей, лежавшую на полу:

– Кажется, вы уронили?

Экономка, поблагодарив ее, подняла ключи и засунула в карман фартука. Ирина усмехнулась: она нашла ключи, которые Ирина подложила на пол секундой раньше!

Перебросившись с экономкой парой слов, Ирина вернулась в гостиную. Людочка уже лежала на диване, потирая кулачками глазки. Бабушки взяли ее и понесли наверх, в спальню.

Скоро наступило время обеда, а затем и поездки в клинику «Мнемозина». На этот раз Вадим взял Ирину с собой в подземный гараж, располагавшийся под особняком. Ирина заметила, что, помимо «Мерседеса», там имелся еще «Ауди». И вдруг женщина быстро спросила мужа:

– А где «Порше»?

Нахмурившись, Вадим произнес:

– Ты имеешь в виду тот, на котором попала в аварию? Я от него избавился! Зачем он нужен – не хватало еще, чтобы он напоминал тебе о случившемся!

Зазвонил его мобильный, и Вадим, вынув аппарат, со вздохом произнес:

– Снова по поводу этого дурацкого контракта! Извини, Ириша, я ненадолго! Надо дать пару наставлений и сделать кое-кому большой втык! Я сейчас вернусь!

Он, говоря на ходу, вышел из гаража, а Ирина осмотрелась. Ее внимание привлек «Ауди». Она подошла к автомобилю, заглянула в салон и заметила сзади детское сиденье. Нет, даже не одно, а целых два! Причем они не валялись или не были небрежно положены, а надежно закреплены друг около друга.

Зачем им два детских сиденья? Можно было бы понять, что одно для того, чтобы использовать, а второе про запас. Но ведь их использовали оба! Только пусть Вадим не говорит, что они своего племянника Сергея всегда брали на прогулки! Ирина в это не верила.

Вернулся муж, и Ирина, указав на «Ауди», произнесла:

– Кстати, а почему у нас там два детских сиденья?

Муж покраснел, отвел глаза и закашлялся. Ирина поняла: он делает это намеренно, чтобы выиграть время и придумать какое-то правдоподобное объяснение. Наконец он прочистил горло и с фальшивой улыбкой заметил:

– Ах, ну это же для Сережи! Когда он у нас, мы часто с детьми ездим на природу!

Ирина ничего не сказала, хотя ожидала именно такого ответа. Муж врал, его объяснения были шиты белыми нитками. Однако Ирина не стала загонять его в угол своими расспросами, а просто уселась в «Мерседес» и заметила, что им пора в клинику.

Ночь, последовавшая за сеансом мнемотической гимнастики, была самой ужасной из тех, которые Ирина помнила. Она практически не спала, потому что воспоминания тревожили ее. Они были страшными. Она теперь точно знала, что Алеша умер. После недолгого сна она проснулась и просто знала это. Только кем был этот Алеша?

За завтраком Вадим интересовался, почему она так плохо выглядит. И Ирина чуть было не выложила ему все то, что касалось мучивших ее воспоминаний. Однако она решила не делать этого, заметив, что Калерия Афанасьевна уставилась на нее, явно прислушиваясь к тому, о чем они с мужем говорили. А открываться перед этой особой Ирина не желала.

Поэтому она не могла дожидаться поездки в клинику. Если ей кто и мог помочь, так только доктор Гладышев. Ирина знала, что еще немного, и она наконец вспомнит, что с ней произошло. И все, связанное с мальчиком Алешей.

Хотя у нее были подозрения, ужасные подозрения, которые терзали ее. И которые она пока что отметала. Да, она была уверена в том, что авария произошла вовсе не так, как рассказывал Вадим.

Во время аварии погиб мальчик. Этот самый Алеша. Облаченный в красный плащик с капюшончиком. Только вот как этот плащик оказался у них в особняке?

Это означало, что плащик взяли с места аварии. Или что плащик изначально находился в их доме. Но это значило... Это значило...

Она боялась признаться себе самой. Это значило, что Алеша тоже жил в их особняке. И что он был... И что он был ее сыном?

Ирину колотило, когда она зашла в процедурный кабинет. Она была на взводе, чувствуя, что голова раскалывается и она на грани истерики. Ее состояние бросилось в глаза доктору Гладышеву, который тотчас принялся расспрашивать ее.

Не повествуя обо всех своих приключениях, Ирина поведала ему о странных подозрениях и новых воспоминаниях. Доктор не отвечал на ее вопросы, только записывал то, что она сказала. Причем он был так поглощен повествованием Ирины, что, когда одна из медсестер зашла в кабинет и доложила, что для процедуры все готово, он нервно крикнул:

– Вы что, слепая, не видите – мы заняты? Не смейте нам мешать!

А потом сразу же обратился к Ирине:

– Значит, ребенок в красном плашике с капюшончиком? Как интересно, как поразительно!

Тут раздался звонок, и доктор, извинившись, схватил лежавший на столе мобильный телефон. Вздрогнув, Ирина поняла, у него точно такая же модель, как у экономки Калерии Афанасьевны. Доктор Гладышев, извинившись, вышел из кабинета.

Конечно, это ничего не значило. Ведь это была хоть и дорогая, но все же весьма распространенная модель мобильного телефона. И все же Ирине сделалось не по себе. Да, она доверяет доктору Гладышеву, но ведь если она уверена, что и экономка, и муж не говорят ей всей правды...

Тогда к этому вранью был причастен и Дмитрий Антонович! Ведь именно он поведал ей о несчастном случае на дороге, в результате которого погибла только бездомная собака. А Ирина подозревала, что это было не так.

Могло стать, что доктор сам не знал всего, что случилось на самом деле, но в это Ирина не верила. Доктор Гладышев был далеко не идиотом, и рассказами о безобидных несчастных случаях его провести было нельзя.

Значит, он тоже ей лгал – или, во всяком случае, чего-то недоговаривал. Но чего именно? Впрочем, Ирина прекрасно понимала: не было смысла спрашивать его, она должна была вспомнить самостоятельно. И она знала: еще несколько сеансов, и все встанет на свои места. Она будет знать правду!

В кабинет вернулся доктор Гладышев, рассыпавшийся в извинениях за то, что их беседу пришлось прервать. Он взглянул в свои записи и произнес:

– Результаты очень интересные, очень! Вы ведь в состоянии сейчас подвергнуться процедуре? Если вы чувствуете себя неважно, то лучше отложить...

– Нет, я готова! – заявила Ирина нервно, более всего опасаясь того, что доктор Гладышев отменит процедуру. Но Дмитрий Антонович только удовлетворительно кивнул и произнес:

– Может, только интенсивность сегодня уменьшим и перейдем на другой диапазон. Что ж, сейчас сестра поможет вам подготовиться к процедуре!

Он вышел из кабинета, и появилась сестра, которая несколькими минутами ранее прервала их беседу, чем навлекла на себя гнев доктора Гладышева. Она подошла к Ирине и протянула ей бокал с мутноватой жидкостью – Ирина уже привыкла, что перед началом процедуры требовалось принять какую-то особую смесь из витаминов и аминокислот, усиливших эффект предстоящего воздействия.

Ирина поднесла бокал к губам, но вдруг услышала тихий голос:

– Не пейте! Наберите в рот, но не глотайте. А потом сразу идите в туалет, выплюньте в раковину и тщательно прополощите рот!

Ирина с изумлением взглянула на медсестру – совет дала ей именно она! Это была особа средних лет, с невыразительным лицом и светлыми волосами.

– Если хотите узнать правду, то делайте как я вам говорю! – повторила она быстро. – Потому что здесь все не так, как вам кажется!

В этот момент в кабинет вернулся доктор Гладышев. Потирая руки, он взглянул на Ирину, замершую с бокалом в руке.

– Ну что, Ирина Владимировна, готовы к процедуре? А, наш целебный коктейль! Вы еще не выпили? Пожалуйста, это исключительно в ваших интересах!

– Да, конечно, – ответила женщина. – Только разрешите сначала заглянуть в дамскую комнату!

Доктор добродушно рассмеялся, в его руке мелькнул мобильный, и Ирина приняла решение. Она отхлебнула мутной жидкости и задержала ее в ротовой полости. Заметив это, медсестра обратилась с каким-то вопросом к доктору Гладышеву, и тот на мгновение отвлекся. Ирина быстро поставила бокал на стол, встала со стула и направилась в туалет, располагавшийся около кабинета доктора Гладышева.

На свою беду, она заметила на пороге Вадима, который участливо спросил:

– Ириша, все в порядке? Может, все же отменить процедуру?

Ирина мотнула головой, давая понять, что делать этого не стоит. Ответить-то со ртом, наполненным жидкостью, она не могла. Быстро проскользнув в туалет, она заперлась и бросилась к раковине.

Выплюнув жидкость, Ирина включила воду и принялась тщательно споласкивать рот. Затем вымыла руки, заметно дрожавшие, и поправила волосы, упавшие на лоб. Вид у нее был не ахти, однако ситуация была критическая.

Ирина сама не знала, отчего решила сделать все так, как ей сказала медсестра. О какой правде она вела речь? Но то, что здесь все далеко не так, как ей кажется, Ирина и сама поняла. Поэтому она решила довериться незнакомой женщине.

В конце концов если она выплюнула только смесь из витаминов и аминокислот, то никакого ущерба ее здоровью это не нанесет. Ведь это были не сильные лекарственные препараты, как уверял доктор Гладышев, а всего лишь биологически активные добавки, стимулирующие деятельность определенных ареалов головного мозга, ответственных в том числе и за воспоминания. Если уж на то пошло, то один раз она может и не простимулировать эти ареалы.

Но если верить медсестре, то это был вовсе не безобидный коктейль, а что-то намного сильнее и страшнее. Ирина же не желала, чтобы ее пичкали медикаментами против воли. Если это имело место, то она должна об этом знать. И имела полное право сопротивляться!

Она снова сполоснула рот, затем вытерла лицо и руки бумажными полотенцами и, отомкнув дверь, вернулась в процедурную.

Доктор Гладышев, улынувшись ей, произнес:

– Ну что же, Ирина Владимировна, мы начинаем! Сестра, помогите!

Он обратился к той самой медсестре, которая советовала Ирине не глотать коктейль. Женщина с индифферентным выражением лица подошла к пациентке и помогла ей разместиться на выдвижном лежаке.

Медсестра поправила плоскую подушку под головой Ирины и, склонившись как можно ниже, еле слышно произнесла:

– То, что я вам сейчас дам, положите себе под язык. После окончания процедуры притворитесь, что спите. И ни на что не реагируйте.

Затем она разгладила одежду Ирины и одновременно вложила ей в ладонь что-то крошечное, металлическое и прохладное. После чего, повернувшись к доктору Гладышеву, почтительно произнесла:

– Дмитрий Антонович, все в полном порядке. Пациентка готова к процедуре!

– Отлично, просто отлично, – заявил Гладышев и, подойдя к Ирине, потрепал ее по руке, в которой было зажато то, что сунула ей медсестра.

– Все образуется, вот увидите, Ирина Владимировна. Вы на правильном пути, и я вам помогу! Все будет как обычно!

Он кивнул, и один из его помощников, сидевший за стеклянной перегородкой, нажал кнопку на панели управления «машиной воспоминаний». Лежак с тихим шелестом втянуло в трубу.

Оказавшись скрытой от глаз Гладышева и его людей, Ирина быстро разжала ладонь и поднесла к лицу то, что дала ей медсестра. Это был крошечный металлический предмет, чем-то похожий на пуговицу затейливой формы.

На вмонтированном сверху экране начали распускаться и увядать фантастические цветы. Раздалась классическая музыка, прерванная голосом доктора Гладышева, который мог общаться с Ириной по внутренней связи:

– Ирина Владимировна, мы сейчас начнем! Итак, расслабьтесь и закройте глаза!

Ирина быстро положила металлическую штучку на язык. А вдруг это что-то ядовитое или радиоактивное? Однако она не простит себе, если не поступит так, как ей сказала эта странная особа!

С языка металлическая штучка скользнула под него, и Ирина ощутила легкое покалывание. Первым ее рефлексом было выплюнуть эту штуковину, однако женщина убедилась, что тело ее не содрогается в конвульсиях и не корчится в судорогах.

Покалывание несколько усилилось, однако назвать его неприятным было нельзя. Ирина закрыла глаза, однако сон к ней не шел. А ведь обычно все было иначе – стоило ей оказаться в трубе и смежить веки, как она тотчас засыпала. И приходила в себя лишь после окончания процедуры.

Неужели... Неужели коктейль, которым ее постоянно пичкали перед тем, как она оказывалась в «машине воспоминаний», содержал снотворное? Но зачем?

Покалывание под языком усиливалось, а тихая классическая музыка вдруг сменилась непонятным скрежетом. Лишь через некоторое время Ирина разобрала, что это несколько наложенных друг на друга человеческих голосов, быстро-быстро говоривших что-то непонятное. Она разобрала «катастрофа», «умер», «сойти с ума».

А затем и на экране, по которомуплыли фантазмагорические цветы, произошло изменение. Начался фильм – во всяком случае, Ирине так показалось. Да, это и был фильм, только главной героиней в нем была она сама!

От того, что она увидела на экране, Ирина едва не проглотила металлическую штучку, находившуюся у нее под языком. Потому что она видела, как сидит за рулем «Порше». Едет по дороге, ее кто-то обгоняет. Она уходит вправо, а потом видит перед собой собаку, которая попадает под колеса, после чего автомобиль Ирины съезжает на обочину.

После этого она смотрит на заднее сиденье и видит там двух крошек, сидящих в детских сиденьях. Одна из них Людочка. А вот другой... Мальчик Алеша, облаченный в красный плащик...

А затем картинка меняется, и Ирина видит, как задняя дверца автомобиля открывается, мальчик вылезает оттуда. Она же сама стоит в стороне, спиной к нему, и говорит по мобильному. Уже стемнело.

Ребенок выбегает на дорогу, раздаётся отчаянное гудение, визг тормозов, женщина – то есть она сама – поворачивается и становится свидетельницей того, как ребенка сбивает грузовик.

Ирина в ужасе следила за мельтешением на экране, чувствуя, что ее сковывает ужас. Она уже поняла, что фильм не настоящий, а созданный на компьютере. Однако и она сама, и ребенок выглядели как живые.

Точнее, ребенок был мертвый. Потому что от удара маленького Алешу отбросило на несколько метров, и он упал, ударившись головой об асфальт, который тотчас обагрился кровью.

Фильм был сделан профессионалами экстра-класса, однако Ирине хотелось одного – плюнуть в лицо тому, кто сотворил подобный мерзкий клип. А на экране появился первый эпизод, и весь короткий сюжет стал повторяться вновь и вновь.

При этом к странным голосам, которые лились из динамиков, примешался еще какой-то странный скрежет, и Ирина заметила, что металлическая штучковина у нее под языком реагировала на этот скрежет. Она начала пульсировать и даже двигаться, словно живая.

Ирина быстро вынула вещь из рта, и вдруг ее мозг пронзила невыносимая, кошмарная боль. Как будто кто-то проткнул ей ухо раскаленной спицей и при этом еще садистски ковырял в ране.

Ирина едва сдержалась, чтобы не закричать, но потом сообразила сунуть в рот металлическую штучку. Едва она оказалась под языком, боль немедленно исчезла. Ирина лежала ни живая ни мертвая.

Что это было? С каким феноменом она столкнулась? Ей показалось или эта штучковина действительно только что нейтрализовала действие непонятных звуковых волн?

Чтобы проверить свое предположение, Ирина снова вынула металлическую штучку и тотчас ощутила невыносимую головную боль. Она быстро сунула штучковину под язык и в изнеможении закрыла глаза.

Даже несмотря на наличие железяки под языком, в черепной коробке и в ушах ощущалась боль. Значит, вот чем на нее воздействуют во время процедуры, а она об этом не имеет ни малейшего понятия!

Ирина открыла глаза и увидела мерзкий фильм, все еще мелькавший на экране. В который раз несчастного ребенка по имени Алеша сбивал грузовик. И облаченный в красный плащик мальчик падал и ударялся головой об асфальт.

Женщина попыталась думать логически. Нет, ни на какое лечение, даже при помощи новаторских средств, это не похоже. В «Мнемозине» занимались чем-то не просто противозаконным, а по-настоящему кошмарным. Она как будто попала в фильм ужасов!

Да, попала в фильм... У нее мелькнула странная мысль. Мысль о том, что она вспоминала то, что, видимо, показывали ей в этой трубе, воздействуя при этом каким-то особым аудиофоном. Затем эти эпизоды всплывали у нее в памяти – только она-то была уверена, что это ее собственные воспоминания! И что все это происходило в действительности!

Голова от этого открытия шла кругом. Несмотря на то, что во рту пересохло, Ирина боялась ворочать языком, плотно прижимая им к нижней челюсти металлическую штучку, которая, казалось, не только пульсировала и двигалась, но и нагрелась.

Время шло и шло, но ничего не менялось. Тарабарский шепот лез ей в уши, скрежет все возрастал, а садистский фильмец прокручивался по монитору, наверное, в трехсотый раз. Вдруг все прекратилось, и Ирина едва сдержала вздох облегчения. Процедура мнемотической гимнастики по методу доктора Гладышева завершилась.

Ирина чувствовала, что дрожит. Сколько она подвергалась этой кошмарной процедуре? Ей казалось, что целую вечность, а в действительности это длилось всего лишь два часа.

Она вспомнила, что сказала ей медсестра: ничем нельзя выдавать себя и надо притвориться, что спишь. Но как после такого кошмара держаться абсолютно спокойно и расслабленно?

Усилием воли Ирина уняла дрожь, чувствуя, однако, как напряжено тело. Послышался зуммер, и лежак, на котором она находилась, поехал вперед. Ирина быстро закрыла глаза и попыталась расслабиться. Несмотря на все усилия, это у нее получилось плохо.

Ирине показалось, что прошло несколько минут, пока лежак не оказался в исходном положении. Она скрестила руки на животе, мысленно приказывая себе не дрожать. До нее донесся звук шагов, а потом послышался голос доктора Гладышева:

– Ну что же, сегодняшний сеанс был крайне важным! Потому что ближайшей ночью она должна вспомнить подробности аварии!

А затем раздался другой голос, также ей отлично знакомый, и от этого у Ирины сжалось сердце.

– Но не приведет ли это к эмоциональному сбою? Может, не следовало так спешить? Надо же подумать и о ее здоровье...

Это был голос Вадима – ее мужа!

– Мы и так потеряли кучу времени, – ответил Гладышев. – И не можем так долго ждать. Сами понимаете, что заказчик недоволен развитием событий. Но после того, как она пришла в себя, все налаживается. Да, согласен, за одну процедуру мы впихиваем ей в мозг информацию, рассчитанную обычно на две-три, а то и четыре, но ничего не поделаешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.